

18+

Илья Музыка
Пыльные солнца Волны

Илья Музыка

Пыльные солнца Волны

«Издательские решения»

Музыка И.

Пыльные солнца Волны / И. Музыка — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850850-9

Ночами не отпускает дорога, длинной змеёй протянувшись во сне до самого утра. Время, спрессовавшись за долгое путешествие, начинает разматываться, обрастая неизвестными подробностями. Запахи чужих городов накрывают во сне. Где же реальная жизнь? Там, где ветер ревет вокруг, падают мотоциклы, плавится асфальт, горит и взрывается резина, где дорога уходит в горизонт, или здесь, где кипят страсти в голубом экране Дома-2?

ISBN 978-5-44-850850-9

© Музыка И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Монгольский транзит. Жанна, чужая любовь	7
От ноля – восемьдесят	9
Монгольский транзит	14
Монголия	22
Жанна, чужая любовь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пыльные солнца Волны

Илья Музыка

© Илья Музыка, 2024

ISBN 978-5-4485-0850-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Граждане не любят байкеров. Неизвестно, чем насолили беспечные ездоки на двух колёсах остальным людям, быть может тем, что мало соблюдают правила дорожного движения или пугают их рёвом прямотоков? Неправда. Солидные мотоциклисты уважают ПДД, а к рёву моторов относятся достаточно прохладно, предпочитая густой бас визгливому вою. Скорее всего имеет место зависть. Да, обычная зависть. Байкеры асоциальны! В то время, когда большинство людей впахивает на даче и ездит в супермаркет за продуктами, эти отщепенцы катаются в своё удовольствие, разве это хорошо?

Мне и самому слово «байкер» не нравится. Оно общеупотребительным стало от своей краткости: «biker». Попробуй постоянно говорить «я motorcyclist». Или чуть короче: «I'm cyclist». Другого слова не придумали. Есть понятие «райдер», но не прижилось у нас. А ведь «bike» означает любое двухколёсное средство для перемещения в пространстве, даже самокат. Даже велотренажёр. И не хочу я быть «бикером», циклистом на велотренажёре! Язык Шекспира, Бёрнса и Диккенса уступает по красоте нашему. Несколько основных букв не хватает, трех или пяти. Они придают колорит даже нашей нецензурщине.

Так вот, соответственно, эта книга не про байкеров, которых не любят, эта книга о мотопутешествиях.

Про то, зачем люди странствуют, написано много, и я не стремлюсь уговорить всех бросить дом и уйти за солнцем. Люди счастливы и в городах. Один после работы ходит в бассейн, другой не мыслит жизнь без хоккея или тренажёрного зала. Путешественнику тоже не чужд бассейн, но надо успеть перебрать редуктор, провести дополнительный свет и улучшить работу подвески. К тому же после слов инструктора-гуру по накачиванию мышц о том, что с таким весом, как 60—70 кг при всём желании прирост мышечной массы составит всего три-пять сантиметров, путешественник предпочитает тягать свои 300—400 килограмм без потения на бездушном тренажёре. При встрече его друзья солидно бросают: – Я сегодня два часа плавал. У меня абонемент до конца года. – А я четыре подхода по двести сделал, – и лишь путешественник молчит. Ему осталось ещё немного подождать, и сойдёт снег на перевалах Могочи, и взревёт двигатель, унося его на край света, к новым друзьям, опасностям и абсолютно невозможным встречам. В конце года его друзья так и будут говорить о том, кто сколько поднял, кто сколько проплыл, с каким счётом Амур проиграл ЦСКА, но рассказать о жизни сможет только путешественник.

Монгольский транзит. Жанна, чужая любовь

Пыльная буря пришла из Монголии. Стирая горизонт в воздухе носились тонны тончайшего песка. Он кружился над мотоциклами, над спящими в спальнях мешках людьми, проникая в любые щели, мешая дышать. Он выравнивал развороченный колёсами подъём, и когда взошло солнце, всё вокруг оказалось в первозданной песчаной пустоте. Снова шестьсот километров стояли у порога.

Вряд ли одобряют эту повесть читатели-почитатели путешествий. Но написать по-другому у меня не получается, не могу я от третьего лица, меняя имена. Хотел бы рассказать просто о путешествии, только всё время сваливаюсь в отношения. Все мы с удовольствием или без, но будем внимать историям любви какого-нибудь Д'Артаньяна и какой-нибудь Констанции, пусть даже Бонасье. Но стоит заменить Д'Артаньяна на Клиффа, Винта или Черепа, Констанцию на Ольгу, Лену или Наташку Катастрофу, всё, многие скривятся. Как может тот, кого мы давно знаем, говорить о любви?! Говорить о том, что не всегда и не всем даётся?!

Жизнь человека, после определённого возраста теряет смысл. Розовое детство, первая влюблённость, большой мир, большие деньги, рождение ребёнка. Ребёнок растёт, мы стареем, мир сужается вначале до размеров города, потом до размеров квартиры. И ощущения меркнут. От попыток обновить их начинаются войны, от этого наша любовь к скорости, к странствиям, от этого наша непонятная и потерянная любовь

... В этом году со временем для путешествия всё получилось. Саня-79 конечно звал меня ехать раньше, но тут видать вмешалось провидение, и с Саней я поехать не смог. А у Саньки ведь тоже был составлен интересный маршрут, понравившийся мне формулировкой: «куда-нибудь, пока отпуск и деньги не кончатся». Свой маршрут я планировал в том же духе, с учётом Волны Памяти, но вышло Хабаровск – Сковородка – Могоча – Чита – Улановка – Алтанбулаг – Дархан – Улан-Батор – Сумбэр – Эрденет – Кяхта. Потом Волна Памяти: Утулик – Улановка – Чита – Жанна – Невер – Благовещенск – Лесозаводск – Находка – Хабаровск.

Никаких технических данных я приводить не хочу. Меня часто спрашивают: сколько денег ушло, сколько километров прошёл, как мотоцикл...

Все желают побольше узнать о трудностях, неудачах, поломках, и подсознательно примерить их на себя. Да не было ничего такого. Были межличностные отношения. Мотоцикл без нареканий, километров много, больше червонца, денег ушло стандартно, про это я уже писал в «Забайкальском продубасе», зачем повторяться? Существует норма-километр по деньгам на каждую марку мотоцикла, от этого и пляшем, умножая количество километров на цену. Ну, например, «Европа» проходит от 19 до 21 км на литре. Бак 28 литров, цена бензина разная, собираемся проехать N километров. Ночёвки от 400 рублей, еда от 250. Остальное – по желанию. Про Монголию напишу более развёрнуто, одной фразой тут не обойдёшься, только всё равно ведь не поверят. А мотоцикл – что? Куплю завтра Скайвея¹, засыплю граммов сто сахара в бак, проткну колёса, ослаблю пару болтов, выброшу телефон и махну на Магадан. Во отчёт получится! Это отразит желание основной массы интернет-читателей: тяжёлый непонятный маршрут ненормального водителя на абсурдной технике, неприспособленной к данной дороге. Да, для пущего успеха у интернетчиков и прочих любителей соцсетей надо взять с собой какое-нибудь животное, чем абсурднее, тем лучше. Например медведя на руль посадить. Ну или скажем жабу.... Не за руль, а именно на руль. Жаба на Эвересте это ведь круто!

... К Бирдону моя средняя скорость составила 95 км, с учётом городских пробок и ремонтируемых участков дороги. Заправляться не стал, только отправил СМС Клаусу. Не ответит же,

¹ Комфортабельный мотороллер, скутер на маленьких колёсиках.

гад! Вторую СМС отправил из Новобурейска. Думал похвастаться. Средняя скорость к тому времени перевалила за 120. Не ответил.

– А что тебе отвечать, дорогу знаешь. Я же знаю, что ты после Бирдона попрёшь, как ветер, – невозмутимо ответил мне спустя час в гараже Клаус.

– Ты хоть знаешь, где твой телефон?

– Знаю, конечно. Он тут... Или тут... А где мой телефон, мужики?

В гараже играл осенний алкоджаз. Под него и начался поток воспоминаний о лете. На столе появился огромный, килограммов на пятнадцать, арбуз с плантаций Клауса, пиво, копчёная кета и сковорода с рисом. Чуть позже Клаус вытряс из несчастного Антохи двух зайцев. Зайцев тут же зажарили на открытом огне.

– За дороги!

– За дороги.

От ноля – восемьдесят

– Дождь начинается! – я окончательно проснулся от этих слов, произнесённых кем-то невидимым, за палаткой. 7—15, пора, путь неблизкий, но дождь! Надо срочно выводить мотоцикл из глиняной западни на берегу Муравейки. Конечно это небольшая проблема, народа на берегу столько, что даже на руках вынесут, но изначально надо рассчитывать на себя.

Я выбрался из палатки. Небо в тучах. И дождя нет, не считая нескольких капелек, что упали на высушенную до звона за вчерашний солнечный день землю. Сергей Фаэтон ходил вокруг своего мотоцикла, сияющего хромом корейского чоппера.

– Клиф, ты куда? – спросил он меня.

– Надо мот отогнать за дорогу. Сейчас дождь начнётся.

Как-то сама собой быстро собралась палатка и спальник, закрылись кофры. Блин, а я не выпался. Голова тяжёлая. Так, чай, срочно! Дрожащими руками я достал газовую плитку. Шпроты не буду, некогда. Сушки, чай. Перевернув полкружки воды, я быстро вскипятил другую, заварил чай, разделил пополам с Серёгой. Плитка ещё горячая, в кофр не уберёшь, а с неба стало накрапывать серой тоской. Дорогу ещё раз проверить? Некогда, минут через десять она будет как мыло. Заводи! Только на достаточно прогретом моторе, на ровном газу, пройдем легко. Стоять! Умываться в речку марш! – неслышный приказ в голове заставил меня тормознуть. Я быстро дошагал до Муравейки. Э, а дождик-то неслабый уже идёт! То, что не видно было посреди травы, на реке отражалось в полной мере. Поверхность быстро несущейся коричневой воды сплошь покрыта дождевыми оспинами. Пора.

Мотор уже прогрелся, я выбил подпорки из-под рамы, сам откатил «Европу» на выезд.

– Ты что, совсем уезжаешь? – снова спросил Фаэтон.

– Нет, сейчас вернусь. Надо борща хлебнуть, чая ещё попить, Серёгу Фрейма дожидаться. Президенту Барсов благодарность выразить, руку пожать.

Организация фестиваля «от 0 – 80» была на очень высоком уровне, может просто, но достойно и со вкусом, начиная от тщательно подобранной музыки, кончая мелкими деталями вроде туалетной бумаги в походных клозетах. «Барсы» заслуживали самых тёплых слов в свой адрес.

Мотоцикл тихо тронулся с места. Глина ещё держала, и я благополучно выбрался на основную трассу. Обочина не понравилась, подножка слишком глубоко зарывалась в грунт, и пришлось нарезать пару восьмёрок по дороге, прежде чем я нашёл подходящее место. К дороге выползла «Голда»² и «Рояль»³, потом мотоциклы потянулись непрерывно. Дорога раскисала на глазах. Падали спорты, чоперы, голды и европы, африки. Поднимали, помогали, толкали. Сел грузовик, чуть подальше от него легковушка оторвала бампер.

– Там по траве, слева, ещё можно проехать, – подошёл президент Барсов. Несколько мотоциклов тут же свернули влево.

Сергей тоже решил вывести мотак к дороге. Я, подстраховывая, дошёл с ним до твёрдого грунта. Возвращаясь обратно, помогали и подталкивали или просто смотрели. Мотоцикл в движении – это красиво! Только на дороге он пролетел, а ты даже не успел насладиться зрелищем, а здесь всё медленно и плавно. Вот ползёт по глине спорт. Его колесо быстро вертится, но скорости это не прибавляет – глина. Вот с достоинством едет Голда и также с достоинством ложится набок. Вот тяжёлый круизёр осторожно въезжает в коричневую лужу, он и рад бы выбрать другой путь, но траекторию уже не изменить – глиняные борта колеи вокруг. Но мотоциклов было много, всех не пересмотришь, и пора было будить Фрейма.

² Honda Gold Wing будет покруче Харли.

³ «Рояль» – большой мотоцикл с V-образным мотором.

– Пошли в лагерь, Серёга! А то что-то я уболтался последнюю Голду поднимать.

Фрейм уже поднялся и не спеша расхаживал около палатки. Наверное, как строителю ему было жалко разбирать палатку, которую он поставил в пятницу.

– А я думал, что ты меня бросил и уехал!

– Как же без тебя уехать? Я здесь. Давай собирайся, пора.

Мы ещё попили чай с Рыжим Типом в импровизированной столовке, где давали борщ. За чаем Саня, потрясая своей рыжей бородицей, с добрым смехом вспоминал какие-то падения.

– Вон, смотри, проехал такой же, ну как тот, который в отбойник тогда улетел на масле разлитом. Он в поворот заложил круто, поворот с подъёмом, там масло разлитое. Мотак покоцал, кофры с обеих сторон в хлам. Его сперва на один бок, потом на другой и в отбойник. Сам зато жив-здоров! А я остановился, руками машу братцу, следом идущему, чтобы аккуратно ехал. Он меня увидел, руками за рычаги разные хватается, – Рыжий Тип забавно показал, как это происходило. – Ну и тоже прилёт. Может не надо было ему ничего махать? Глядишь бы, не упал.

– К восьми будем в городе, как ни считай, – сказал Серёга – Как поедем, через Яковлевку?

– А может через Уссурийск? Там асфальт. Хотя мне дорога через леса очень понравилась. Грунт там хороший, от дождя не поедет. Давай через Яковлевку.

– Через Ариадное езжайте, – посоветовал то ли в шутку, то ли всерьёз Саня. – Там дорога ого! Широкая, ровная! Выйдете сразу у Дальнереченска.

– Не, знаю я эту дорогу. В другой раз. Нам и этой грунтовки хватит. 30 км грунта лучше, чем сто.

Выехали в 10—47.

Дождь моросил всю дорогу до Варфоломеевки. В пилотском кресле «Европы» он был ненапряжный и незаметный, и я не стал одевать дождевик. Больше дождевика меня напрягало то обстоятельство, что ехать с откинутой мордой было нельзя, капли воды холодными иглами впивались в лицо, заливали глаза, и вместо приятного массажного ветра для сонной морды получалось мучение.

Заправляться мы собирались ещё не скоро, и, будучи примерно на равных по удобству сидения мотоциклах, могли вообще не останавливаться сотни три километров. Ведь что такое «Европа»? Это не только гей-парады и арабские бездельники, сидящие у Эйфелевой башни. «Европа» это ещё и отличный туристический мотоцикл, незаслуженно обойдённый вниманием в России. Сто лошадей, запас хода 600 км, защита от дождя и ветра, вместительные кофры, удобное сиденье. Опять же кардан, ABS, трекшн – контроль, динамика и скорость, дорожный просвет 145мм. Неужели «Африка» лучше? Это разные мотоциклы. «Европа» более скоростная, и прямо таки провоцирует ехать гораздо быстрее «Африки». «Африка» позволяет не обращать внимание на колдобины и выбоины русского асфальта, вот и вся разница. В лихую грязь ни на том, ни на другом лучше не соваться. Я хорошо помню, как «Африка», пользуясь значительным дорожным просветом, уселась картером на камень, и потом стояла постаментом до прихода помощи. Ну, про 600 км запаса хода у «Европы» я, конечно, загнул. 540—580, не больше, где-то так. Вы же понимаете, как много факторов влияют на количество километров на одном литре топлива? Ветер, наличие пассажира, груза, количество остановок, скорость, динамика перемещения (не путать со скоростью)!

Так я углубился в лесные дороги Синего хребта и почувствовал, что рукава куртки стали промокать. Ну, сейчас перевал возьмём, там дождь кончится, и рукава быстро просохнут. Однако, ещё не дойдя до перевала дождь усилился до сильного. Пришлось затормозить, срочно накинуть дождевик. Штаны одеть поленился, да и посреди таежной грязи это было проблематично. Ладно, бокового ветра нет, скорость 60—80, не страшно. Передок «Европы» надёжно защищает от дождя.

Долгий дождь, к сожалению, стирает запахи. И ароматы черёмухи и жасмина, разлитые по тайге, растворились вместе с запахом дорожной пыли и смолы кедров. Мотоциклы шустро пожирали километры грунтовок, не замечая ям и луж. Тихо урчал мотор «Европы», на четвёртой передаче напевая какую-то ему нравящуюся песню, молотил дождь, и было тепло и уютно ехать посреди вековых лесов Синего Хребта. Деревья – кедры, липы, какие-то чозе-нии, бархаты, высоченной стеной стояли по сторонам. Не так, как на А-370, она же М-60, а реально рукой достать из седла. Хорошая лесная дорога через хороший лес. Жаль, что там всего 28 километров. Серега Фэтон сказал, проехав с нами от Хабаровска до Муравейки, что это не дороги. Для чопыря это действительно не дорога. Но Априлия и Европа с их ходами подвесок и удобными сидениями такую дорогу похоже просто не замечали. С асфальтом конечно, вообще огонь было бы. Но я сильно удивился, когда спрашивал у местных, почему нет асфальта на трассе А-180.

– Его что, сняли? Или засыпали грунтом на время ремонта, поскольку он совсем развалился?

Ответ, по простецки сформулированный без правил грамматики, меня удивил.

– Там нельзя асфальт ложить.

– Почему? – я приготовился слушать занимательные научные изречения о тектонических нарушениях грунтов или влияние агрессивной лесной флоры на неокрепший слой асфальта.

– Там перевалы.

– Ну и что???

– Зимой скользко будет.

Так вот оно что, Михалыч! Оказывается и вправду дороги в России очень непросты не потому, что их не строят, а потому что нельзя! Повороты крутые – так то для того, чтобы не спать за рулём, грунт – чтобы льда не было, выбоины – чтобы лужи были, а то случись руки помыть, ан негде! Как в Америке должно быть уныло ездить, асфальт как зеркало и дороги как стрелы ровные. Скукотищ-ща!

Просёлок кончился. Не сильно закладывая в поворотах, Фрейм стабильно держал 100, и даже захотелось поспать. Ну и пожрать не мешало бы тоже.

Вдоль дорог по болотистой равнине раскиданы фиолетовыми пятнами ирисы. Их колдовской цвет всегда вызывает вопрос – как природа додумалась до такого чуда? Серое, тяжёлое небо, низкие тучи, мрачная зелень трав, застывшие ртутные озёра, и вдруг – неземное вкрапление в эту безнадежную планету, фиолетовые цветы, которые словно горят космическим огнём далёких звёзд.

...На каждом километровом знаке теперь висит приписка «Росавтодор». Еду и втыкаю: для чего? Знак и так небольшой, на скорости прочесть проблематично, так для чего лишняя информация на каждом километре? Опять же, живя в России, было бы странно, если ремонтом дороги занималась не «Росавтодор» а какая-нибудь «Египетсеверморпуть» или «Люфт Ганза».

...Где же этот Пучегорск? Есть уже охота, а Фрейм с утра кроме семечек и чая вообще ничего не ел. Правда при этом вполне себе упитанный и справный. Очевидно, ветром дорог питается. За Лучегорском где-то в дожде потерялась таверна «Колесо», где мы собираемся покушать. А ещё там есть вкусное копчёное сало и рыба-терпуг. 520 руб. за кило сала, стоит взять. До Хабаровска от таверны остаётся 330 км.

...Дорога в Арсеньев нас порадовала ярким солнцем, свежим ветром, чистой зеленью неокрепшего лета. Снова мы трое, как и в прошлом году, три мотоцикла совершенно разных, но традиционных для моих дальняков классов – турэндуро, круизёр и чопер. Это настолько привычно, что я постоянно удивлялся, видя в седле эндуро не Димона, а Фрейма, а на чопере не Михрентия, а Сергея Фэтона.

Чтобы не вводить в заблуждение читателей, сразу попытаемся расставить точки над і. «Европа» – турист, а V-твины сделанные «под Харлей» не являются чопперами. Чопер – обру-

бок, сконструированный из серийного образца V-твина путём разных издевательств над рамой и вилок. Но круизёр (cruiser – крейсер) и есть турист, а V-твин как назовёшь? Потому и называют в России – чоппер, типа коротко, брутально, оригинально.

– Слушай, Клиф, неужели ты со мной тошнить будешь сотню? – ещё раз перед стартом спросил меня Сергей.

– А что тут такого, сотня тоже скорость, бензин целее будет, – отшутился я.

В дороге я пару раз выстрелил вдаль на двухстах, порисовать повороты, а потом снова спокойно ехал замыкающим. Зато мы безопасно, технично, без напряжения прошли по маршруту, и нами был бы доволен любой гаишник. Хотя после Пучегорска головной всё увеличивал скорость, доведя её до 140. Хорошая дорога – хорошая скорость.

...К точке randevу с Фаэтоном мы прибыли ровно, как запланировали. Фаэтон, развалившись в седле мотоцикла, уже ожидал нас.

– Думал, что не приедете, придётся одному идти.

– Мы же обещали, значит будем.

Увы, заправиться на АЗС не удалось, на заправках в этот час всегда пересменка. Докатили до Корфы, и здесь на Альянсе залились под горло. Следующая заправка в Лучике, это 254 км. Но по пути пришлось сделать пару остановок, Фаэтон первый раз на дальняке, и Фрейм заботливо спросил на первой остановке – всё ли в порядке?

– Нормально, только руки чуть затекли. И ногам холодно.

– У меня джинсы запасные есть, – я с сомнением посмотрел на Фаэтона. Покрупнее меня будет. Впрочем, джинсы и разрезать немного можно, не жалко. Сергей отказался. Солнце скоро прогреет, будут лучше. И вправду, наступал один из таких дней, которые словно созданы для мотопутешествий. Не жаркий и не прохладный, просто золотая середина.

Пролетая мимо вспаханных полей, мимо весёлых перелесков с искорками лилий Миддендорфа, мимо задумчивых лесов, машущих нам вслед кудрявыми головами, казалось, что стоит остановиться и упасть в эту листву, как я обрету нечто, что потерял в далёком детстве. Где-то здесь бродит синеглазая девушка-весна с длинными косами и с ней молодой паренёк, еще не познавший радость первого поцелуя. И у них будет этот волшебный вечер и вскипающая в ночи кровь. Без вопросов и сомнений, без предательства и лжи. И у них будет длинная жизнь, полная радости и света. Другая половинка моего существа, сидящая в седле, затянута в текстиль и кожу, сжимающая ручку газа со ста лошадьми понимала, что уже никогда не будет ни девушки-весны, которая поцелует того паренька, ни паренька, который ничего не зная о любви, всё же верил в неё. И мне остаётся просто лететь вместе с ветром по трассе, впитывая в себя запахи лесов и полей. Всё прошло.

На Лучике залились. Результат: «Европа» 10, Априлия 11, чопырь 13. Я всегда возмущался, что голдоподобные аппараты едут с песнюками и жрут 5 на сотню, а другие упираются, борются с ветрами, а результат 7 литров. Абыдно, да?

Свернули с М-60 на Арсеньевскую трассу. Осталось 130 км. По просёлку я покрылся толстым слоем пыли, очевидно, собрав её от впереди идущих. После грунтовки Фаэтон резко завернул на первую попавшуюся заправку, у него осталось одно деление, литров пять. Когда указатель топлива падает за черту бедности, это очень нервирует, и на советы едущих рядом друзей внимания не обращаешь. Правильно, чего фруктам на танкерах типа Априлии или ST верить, что скоро Роснефть будет. Мы же с Фреймом заправились только в Варфоломеевке, хотя могли обойтись и без этого.

Преодолев грунтовку, пошли по неширокой асфальтовой дороге, снова подняв скорость до 110. Этот край – вотчина приморских вертолётчиков. Слева вдруг возник мощный посторонний звук. Я машинально посмотрел по зеркалам и прижался вправо. Никого. Звук прошёл над головой и переместился вправо. Над дорогой красиво разворачивалась пара сверхзвуковых истребителей. Было бы логичнее увидеть здесь боевые вертолёты.

Стало вечереть. Мы выкатились с горы к Арсеньеву. Точно как и было нарисовано на карте, ровные кварталы домов уходили к западу. Небо над городом затягивали дождевые тучи. Что там со въездом на поляну?

Въезд оказался несколько не таким, каким я его себе представлял. Перед стартом я спросил на форуме, пройдёт ли по «совсем грунтовке» Голда. После этого, вместе с уверениями, что Голда пройдёт где угодно, посыпались вопросы – не купил ли я Голду. Нет, я просто подумал, если пройдёт она, то я просто пролечу. А вообще верить приморчанам про дороги надо с оглядкой. Им-то что, здесь каждый первый – эндурист, каждый второй – мастер спорта по мотокроссу, каждый третий видит эротические сны об эндуро, и соответственно грязь помесить каждый может с легкостью и удалю. Почему? А тут дорог нет. Одна трасса Владивосток – Хабаровск, и усё.

Нет, «совсем грунтовка» оказалась приятной дорогой, просто недавно прошёл дождь, и её немного расквасило. С ужасом вкатываясь в глину, я даже забыл про сцепление, просто было некогда. Мотоцикл прекрасно шёл на ровном газу, и я даже нигде не завалился, как не завалился никто из нашей команды. А дальше ужин, пиво, встречи с друзьями, прекрасный концерт с отличной музыкой и сон в теплом спальнике. В голове витали мечты о настоящем дальняке. Чтобы ехать, ехать, ехать, много дней подряд. До старта оставался месяц. Не сказать, что он пролетел незаметно, но час пробил.

Монгольский транзит

*Я бьгу по скошенной травь,
Краги оправляя на ходу.
Мой биплангъ, какъ демонгъ ада,
Воспаритъ надъ эспланадой
Курсомъ на Вечернюю звѣзду.⁴*

...Остаться дома я не стал ни минуты. Едва только договорённость с директором была достигнута, я двинулся в гараж, сделать последние приготовления. Как бы не так! Я ещё не добрался до гаража, как директор позвонил опять.

– Тут на дверях это самое, ну это, что на заборах пишут, нарисовали....

– Ну и что? Закрасьте.

– Ну, может приедешь, помотришь?

Я не сдержался.

– Зачем?! Я это и так каждый день вижу! Я уезжаю рано утром, и мне уже некогда.

– Ладно, ладно, не кипятись. Попробуем справиться.

Я бросил трубку. А Валера предлагал задержаться ещё на пару дней, чтобы идти с Восточной Волной. Да за эти два дня выполоскают и высушат!

По дороге в гараж пришлось помогать молодому ментобайкеру на СВ400sf. Он проехал мимо меня и заглох. Убив час времени, я подтянул несколько человек, мы прикурили «сибиху» от авто и снабдили телефоном мотоэвакуатора. Парню надо было добраться до «68-й школы», до гаража. С его опытом и учитывая час пик, это выглядело малореально.

– Газ держи, переключайся решительно, распахивай всех, выходи на встречу, только не заглохни. У нас больше нет возможности помочь тебе. Я завтра уезжаю рано, а дел ещё много.

Полицейский растрогано пожал всем руки.

– Я знал, что байкеры помогают друг другу. Но что бы вот так, на улице, мне!

– Хорош базарить, нашей рационализации надолго не хватит, гони!

Ещё один братик нарисовался. Вставило чувака. Человек помогает человеку, а не байкер байкеру! «Тут Аркадий Мудозвонов на „Европе“ пролетал, и парнишке на СБ-шке он по-байкерски помог». Жесть.

Из гаража выехал по традиции, в 5—45. Вопреки ожиданиям, выезд был безвкусным, как выдохшееся пиво. Ни волнений, ни радости. Куда ехал я? Как и Санька79, в никуда. Впереди не было ничего, кроме неизвестной дороги. Любви тоже не было.

До моста долетел за 15 минут. Ехал лениво, к Облущью едва довел среднюю скорость до 85 км. Это всё оттого, что не было конечной точки на сегодняшний день. До Могочи 1500, многовато, я не любитель «железных задниц»⁵. До Катьки – маловато.

Начался Малый Хинган. В памяти кадры недельной давности, путь на Мойку мотоциклов. Левый поворот с набором высоты, и Леди, идущая головной, не сбавляя скорости ввинчивается в этот поворот, ложа мотоцикл почти до подножек. Следом, по бегемотски укладываясь, летит «Голда» Славы Зелёного Гоблина. Видя, что за рулём впереди идущих байков не дилетанты, я тоже добавляю газу, ложа мотоцикл. Ветер, скорость, мы, восторг, взрыв эмоций, так близко всё это.

⁴ Песня боевых лётчиков I мировой войны.

⁵ непонятный норматив проехать очень-очень много за сутки. Контора Iron Butt Association. 1000 миль за 24 часа.

День наливался жарой. В районе Известки догнал ворону в задницу. Это дура, завидев мотоцикл, решила стартовать не вбок, как все вороны, а вдоль, обогнав меня. Скорости 120 она достичь не смогла. Я же в этот момент ехал, опустив левую руку на пояс, и ничего сделать не смог, когда вороний зад надвинулся мне на визор. Ворона, от страха обгадив стекло, свалила влево, я за ней, отмываться. Тварь. Хорошо хоть лапы убраны были, могла бы визор и поцарапать.

Обед сделал на Хинганском перевале, кафе там очень домашнее, цены тоже. После перевала потянулись унылые пейзажи Зейской изменности, поросшие некрасивыми кустарниками равнины. Скучно.

Стиль движения, когда едешь один, у меня своеобразный. Я не останавливаюсь часа три – четыре, неважно с какой скоростью иду. Обычно иду быстрее сотни, и останавливаться лень. Это меня поначалу и напрягало, когда Хэл посадил вторым номером. Мне-то в кайф долбить без остановки, а ей? Заправки в одного малоинтересны в дороге, курение вредно. Устал – добавил скорости, устал – сбросил. Тут Папулис мне как-то заявил: расстояния побеждаются не скоростью, а усидчивостью. Кто бы спорил. Но от себя добавлю: скоростью и усидчивостью они побеждаются не в пример лучше.

Запахло дымом, и вскоре я въехал в огонь. С двух сторон дороги пламя лениво облизывало валёжник и стволы деревьев. В одном месте на это не менее лениво смотрели пожарники.

Не будем вдаваться в тонкости семантики. Новое время привнесло в наш язык определённые выражения, которые быстро подхватили обыватели. Типа не «дорого стоит» а «дорогого стоит», или «по крайней» вместо «по последней». Не понимаю. Дорогого стоит ничего не может, это глупость. Сколько стоит этот мотоцикл? Вдумайтесь: этот мотоцикл дорогого стоит. Чего дорогого: доллара, рубля, хлеба? Нечто эфемерного, но очень-очень дорогого. У Пушкина так и написано: «урядник не нашёлся что сказать, и промолвил: «это брат... это брат... дорогого стоит». И я что-то не замечал ни двадцать, ни тридцать лет назад, как люди «опасных профессий» говорили «ну, по крайней». До смешного доходит: «крайний раз, когда я был в армии».... Что он хочет этим сказать? Дорогой человек, ты радуешься, что никогда в армии уже не будешь? Настоящий мужчина всегда солдат. Или ты боишься, что тебя в армию уже не позовут? Просто приди на приём к прапору в военкомат, и ты удивишься, что ты ещё нужен! Другое дело люди «пафосных профессий», типа стилистов, визажистов, адвокатов, менеджеров и барменов, по совместительству «байкеров». Им обязательно подчеркнуть свою причастность к опасности, хотя сами ни нож, ни подствольник в руках не держали.

Так вот, какая разница – пожарные, пожарники? Возможно то, что мне говорили о пожарниках в разных местах, правда. Типа поджигают сами, сами потом тушат и за это получают «боевые»? Нехорошо как-то на душе, ели это имеет место быть, но на огромных просторах России может и найдутся уроды. Даже премьер сказал «мы же сами понимаем, люди могут злоупотреблять нашим доверием».

Дышать стало трудно, несмотря на маску и шлем. Видимость упала до 100 метров. Дым висел до Тамагочи, лишь после немного развеялся, но сопки были укрыты сладковатой пеленой ещё шесть сотен километров, спрятав красивую перспективу. Впоследствии отголоски забайкальских пожаров видны были и в Монголии. Даль оставалась укрытой в противной сизой дымке на протяжении нескольких дней.

Не прошло и ста лет, как наконец закатали в асфальт Хинган. Дорога с тех пор почти наслаждение. Ровная, широкая, почти пустая, она позволяет ощутить себя в свободном полёте. Иногда недоумевают, мол зачем так гонять? Но падать одинаково больно и на 40, и на 80 км/ч, такая у человека организация нервной системы, а причины падений на трассе можно условно уложить в три категории. Помеха на дороге в виде оленя, тюленя и косолапого мишки, авто, стоящего на дороге без габаритов, ну и поломка техники. Когда летишь в городе на маршрутке, причин для ДТП намного больше.

Заправок, как и мотелей на трассе достаточно много, не думаю, что с местами проблемы. Причём мотели вполне внешне приличные, европейского типа. Загаситься к примеру можно в Гашенке – не сильно видно с трассы, местечко уютное. Понравились пейзажи в районе станции Ангарич, что-то похожее на картинки про Дикий Запад – равнины, склоны гор с сосновыми лесами, ленты рек.

До Могочи оставалось 300, я прошёл уже 1200. Может доехать? В 23—00 буду. Ага, потом не выпить не закусить толком. К чему эти сомнительные подвиги? Лучше в Ерофее заночую. Иль на Жанне? Вода с собой есть. Пива в Ерофее купить только.

На телефоне высветился номер Мазура. Это, пожалуй, сильно меняет дело. Раз Димка не в поездке, стоит заночевать в Сквородке. И я сворачиваю с трассы. Димка мужик серьёзный, основательный, на мотоциклах всю жизнь. В миру паровозник. Временами он непонятен, но его это не портит.

Сквородино типа маленький город или типа большой посёлок. По населению он всё ж проигрывает Могоче, но автобусный маршрут свой имеется. Депо, асфальт, хорошие и не очень дома, военные люди. В прошлом интересный пункт на золото. Рядом дорога на севера, потому близлежащий Невер и хиреет. Место красивое, вполне пригодное для житья. Эх, сюда бы госпрограмму для развития производства, да где её взять? Крым ведь наш. . . . В одном месте затыкаем, другое рвётся.

Дорога до Сквородки меня порадовала хорошим асфальтом и красивыми видами. У своего дома стоял Димка Мазур.

– Купаться едем?

– Обязательно. Только я в коляске. И пиво, пока не закрылось.

Димка в этом году купил Голду с коляской, и пропустить момент было нельзя.

– Тогда загоняй свой ко мне во двор, – он махнул рукой вниз по крутому склону. – А пиво я тебе в любое время куплю.

– Куда? Сюда?! Я не выйду потом!

– Эх, пацанва! Ездить не умеют. Я тебя выгоню, давай. Я всех выгоняю.

..Вечером мы сидели за столом, под черёмухой, на закатном солнце. Лёгкий ветерок колыхал ветки, отчего тени ягод кружились по столу. Заметно холодало. Димка покрикивал на Василия.

– Видишь, как люди ездят. Сел – и поехал. А вы тут сидите, до Невера, мол прохватили. Ты картошку давай чисть, чисть, мы есть хотим.

– Так вы братья? – удивился я фамильярности Мазура.

– Ага, – ухмыльнулся он, – кровные.

Ночью дико болели мышцы. Но старые стены бревенчатого дома источали умиротворение, говоря: ты поправишься, спи!

Утром мотоцикл Мазур мне уронил. Подскачив на доске, что мы положили для уменьшения перепада между железной балкой ворот, мотоцикл взревел и завалился на правый борт. Доска до синевы ударила Димку по ноге.

– Да, надо что-то с выездом делать, – он почесал голову. – Мот тебе уронил. . . .

– Не переживай. Поехали, Сквородку покажешь. А то меня в Могоче Клаус ждёт.

Вчера вечером позвонил Клаус. Он вышел из Монголии через Кяхту, и теперь двигался домой в Катьку, страшно желая увидеть меня.

После вчерашних 1200, оставшиеся 300 смотрелись настолько мелко, что я позволил себе расслабиться. На одном из подъемов, усмотрев поворот на грунтовку, решил повернуть и отдохнуть. На подъеме я и разложился, недовключив передачу. «Европа» легла вверх колёсами по склону, снова на правый борт. Неудобно разложился.

Бескрайние просторы Забайкалья, никого. Стеной стоит тайга. Узкая лента асфальта, и на нём лежащий мотоцикл. Сгоряча поднять его не удалось, стал развьючивать себя и баулы, но услышал дизель с запада. Подошла фура, и вдвоём мы подняли мотоцикл.

– Сколько весит? – молодой водитель фуры перевёл дыхание.

– Сейчас наверное 400.

– Да.... Покурим?

– Поговорим....

Мы поболтали о дороге, о жизни. Вот такие приключения и дают желание ездить. Ведь и этот молодой саратовский парень не только из-за больших денег крутит баранку своего крокодила. Дома он тоже тоскует о лентах дорог и случайных встречах, о закатах и дожде, о тавернах и сигарете в ночи.

Захотев чаю, съехал к очередной кафуге. Позвонил Клаусу. Скоро буду, осталась сотня с хвостиком.

– Ты охренел?! – накинулся на меня он. – Мы его сидим ждём, а он чай распивает! Нам сегодня ещё до Катьки шагать. Тут уже чай готов. Давай в седло, и скорость 200. Тебе полчаса вполне хватит.

– Эй, Витька, я ж не знал, что вы сегодня в Катьку хотите. Я думал, мы посидим в клубе, поговорим. Ладно, ладно, уже выезжаю. Только в Амазарщине бенза плесну, я уже 400 км не заправлялся. На двухстах мне до Могочи не хватит.

Окружающий меня лес стал размытым зелёным фоном. Пространство сжалось, а «Европа», словно раскалённая игла, пронзала его, как восковое препятствие. Спидометр бешено отщёлкивал километры, до Могочи оставалось чуть-чуть. И вдруг навстречу показался сине-белый байк, эндурик, Трансальп. Загружен. Следом второй, красный. Витька?! Я нажал на тормоз. Красный мотоцикл развернулся, и подъехал ко мне. Из-под шлема мне улыбались Витькины глаза.

– Ну, ну, где встретились, а! Хабаровск, Катька, а тут Могоча. Наконец-то!

Вопросов и впечатлений было много.

– У Серёги амортизатор сдулся. Совсем! – Клаус с восторгом стал раскачивать Серёгу, сидящего на мотоцикле. Эндурик при этом подбрасывало выше отбойника. – А бензин там в Монголии! Просто класс! А люди какие! И русский понимают, и по-английски говорят! Тебе там хорошо будет!

Впоследствии я не раз вспоминал Витькины слова. Что это было: желание заманить меня в Монголию, чтобы я тоже хапнул по полной, или действительно наивная вера в человечество?

– Эх, хотел бы я к тебе в клуб-клаус заехать, да видишь, когда получится? Я для вашего мотокружка даже новое название придумал: клуб-клаус. Или Клаус-клуб.

Клаус выдал мне карты Монголии, мы обнялись, и дорога развела нас в разные стороны. Меня ждала Могоча. И Монголия тоже.

Никогда не думал, что меня будет тянуть в Могочу. Но речка Олонгро меня похоже приворожила. Дэвил на это сказал: а что ты думаешь, ты же в ней мылся, не зря же тут радиация плавает. Короче, я теперь могочинский мутант. Каждое утро шлёпаю босиком по скольким камням Олонгро, сижу на камнях, процеживая чистую воду сквозь пальцы, умываюсь студёной водой, и в голове проясняется. Ноги ломит от холода. Как далёк отсюда пылающий асфальт трассы!

Гараж «железные ангелы Могочи» купили неплохой. Только опять крутой въезд, немногим лучше Мазуровской Сквородки. Главное не тормозить на перегибе, иначе можно пробить картер. Поначалу – страшно. Заехал со второго раза, вру с третьего. Никто мне его поднимать туда не стал. Не уверен – нечего и на мотоцикл садиться.

В клубе «Iron angels of Mogocha» спокойно, как дома. Ну разве бы ещё Саня поменьше бухал, ведь он нам нужен здоровым и красивым.

На втором этаже комната отдыха, три дивана, стол. Светло, солнечно. К вечеру в клуб прибыл путешественник на КТМ Адвенчур 990, Алексей из Владивостока. Он идёт на Монголию.

– На Монголию?! Я тоже. Поехали вместе, тут мне Клаус на развод и тугриков подкинул.

Зависаем на два дня. Макс Боров вместе со своей женой Наташей возит меня купаться на Амазар. Серёга Морфей притащил свежедобытого изюбра.

Или три... Потому как с Магадана на огонёк завернул Юра Антихрист на БМВ GS. Собрался шагать с нами к жене в Кемерово, но на радостях они с Дэвилем упились нехило, Антихрист даже с лестницы слетел, после чего остался залечивать душевные раны. А на подходе уже был Бородад с запада и Восточная Волна соответственно не с запада. Наше отправление тогда бы похоже совсем не состоялось. Время остановилось. Мотофестиваль на озере Арахлей накрывался медным тазом, а жаль. Район озера Арахлей – остатки бывшего мега-супер-озера, что накрывало и Читу. Отсюда в степи и залежи ископаемых углей. Остались и «остатки» этого озера – озёра Иван, Кенон, Арахлей и ещё пара-тройка каких-то, все они вытянуты в цепочку и близки друг от друга.

– Зачем вам Арахлей? – ехидно спрашивал Дэвил, доставая новую бутылку. – Там два дня дождь будет.

Вечером сидим у ворот клуба, и в ожидании ужина, который нам взялся сготовить Лёха КТМ, пьём пиво. Судя по нормам современного русского языка, замешанного на молодёжной субкультуре и зоновской «романтике» надо писать так: «приседаем у клуба и пьём пиво». Это к вопросу о теме как правильно – «по крайней» или «по-последней». Раз-два! Присели – выпили, присели – выпили, и так до ужина. Спортом занимаемся и зону уважаем. Куда ни плюнь, везде люди «опасных профессий» и сплошные «зонавские сидельцы».

Подходят дочери Морфея.

– Мы на воротах порисуем?

Мужики резко отставляют кружки и в один голос категорично изрекают:

– Нет!!! Идите на других гаражах рисуйте.

– Хорошо, – соглашаются девочки, берут мел и уходят к соседнему гаражу.

Через полчаса они зовут нас посмотреть.

– Да-а! – озадачено чешем мы головы. – Надо было девкам на клубовских воротах рисовать...

На воротах соседского гаража красуется выполненная один в один эмблема «Iron angels of Mogocha». Мелом! Старый анекдот:

– Ваш Вовочка мне на столе муху вчера нарисовал, я об неё всю руку отбила!

– Это что! Он в ванной крокодила нарисовал, так я через нарисованную дверь выскочил!

Задрипанный гараж напротив теперь смотрится, как штаб-квартира мотожизни Забайкальского края и «центра вселенной».

Утром очередного дня мы с Лёхой тихо завели моторы и отбыли в Читу, к Жаргалу.

Залились в Могоче под завязку.

– Может и не стоит запрапляться в Сбеге и Зилове, – просветил нас встречный дальнубой на тягаче Вольво. – В Чернышевске заправитесь и до Читы. Я тоже хочу мотоцикл. Какой лучше взять посоветуете?

Да чёрт его знает. Пятая точка сама находит. К примеру я Голду хотел. Нижняя часть тела Голду выбрала. Один момент – в гараже напряг с местом будет, другой – скоростные и проходимые качества у Европы чуть-чуть выше.

Мотоцикл – отражение характера. С Голдой понятно, она более спокойная и пафосная, я уже давно интересуюсь, почему «Европу» не жалуют, как ту же, к примеру, «Африку». Она немного проигрывает в говнах, зато на трассе и серпантинах ей мало равных, разве что спорты, но те далеко ездят редко. А чопперы отчего-то долго держать 140—160 не сбрасывая в пово-

рогах не могут. Про грунт молчу, на грунте «Европе» 60 – забава. Ну вот и взял себе «Европу». На что Лёха ориентировался – не знаю, но замечаю, что Африке и Гусю с Адвенчуром от автомобилистов-дальнобоев больше уважения. Эти мотоциклы такие пузатые, скарбом увешанные, явно туристы матёрые. Едут относительно небыстро, рассмотреть можно. А тут шило проскочило, не меньше 180 идёт, не разберёшь – то ли большой скутер, то ли спорт безбашенный, что он на трассе делает?

Про заправки да, правда. Наши баки на огромные расстояния и рассчитаны. Тем, у кого бак 15—18 литров, заправятся стоит каждые сто километров. Мы можем чуть побарствовать, заправляясь через двести. Ну или уж до талого, вообще не заправляться.

990-й Адвенчур оказался вполне себе аппаратом, достойной парой Европе, а Леха, мастер по настройке корабельных навигационных систем, умелым пилотом, интересным собеседником, спокойным и трезвым, несмотря на алкоголь, чего не хватает некоторым нашим байкерам. Мы шли, не договариваясь о скорости, об остановках и перекурах, как единый механизм. Километры отступали. Навстречу проскочил Бородад на своём новом «Гусе»⁶, предвещая очередной могочинский зависон. Нас он не узнал, но махнул рукою. Он спешил.

Перед Чернышевском нас встретил ураганный ветер. На одной из остановок для фотографирования, он уронил КТМ, мы вовремя успели его остановить. Через пару километров от Чернышевска влетели в сплошную битумную дорогу. Температура была за 35, битум блестел на солнце и прямо таки звал разложиться. Тащились на 40, не газуя, на грани падения. Больше на дороге приключений не было. Вру, было.

С приближением к скотоводческим районам, вдоль дорог стало попадаться больше лошадей и коров. Вечерело, солнце убралось в тучу, перекарасив окружающую местность в серосиние тона. Впереди шёл «хорёк»⁷, следом Леха, замыкал я. Обогнать «Хариера» мешала сплошная. Слева тянулся серый отбойник. Внезапно «Хорёк» вильнул влево, КТМ вильнул вправо и нажал на тормоз. Я, не зная, что там такое увидел «Хорёк», сбросил скорость и стал смещаться левее. Тут взревели прямотаки Арроу на КТМе, и я увидел, то, от чего последние волосы под шлемом стали подниматься. От отбойника отделилась лошадь, цвета отбойника, чудом разминулась с Адвенчуром, и с бешеными глазами рванулась на меня. Я сразу вспомнил Мишаню Тихого, оленя и сломанные ноги его жены. Бросив мотоцикл влево, я выкрутил газ. Туды в качель!

В Чернышевске, пока мы пили воду, к нам подошёл худосочный дальнобой в чёрных очках. Он долго стоял и смотрел на наши мотоциклы, потом встрял в разговор.

– Куда идёте?

– На Монголию.

Вопреки ожиданиям, дальнобой не стал умиляться и ахать.

– На Монголию?! Вы что, охренели? Что там делать? Монголия говно. Дороги там говно. Народ там не наш, смотреть не на что, бензин дерьмовый. Вам что, больше ездить негде? У вас тут вообще всё говно. Приеду, куплю чопер и буду от бара к бару по Волгограду и Москве ездить. Там хоть цивилизация и дороги.

– А разве эта дорога плохая? От Сковородки до сюда?

– Эта ещё ничего. Но дикость. Я до Хабаровска с Волгограда груз припёр, и нахрена согласился на Магадан груз взять? Я асфальт целовал, когда он появился.

Про это нам почти слово в слово уже рассказывал Юрка Антихрист. «Нахрена я в Магадан на мотоцикле попёрся? Ну нахрена? Я асфальт целовал когда на него въехал, но это была глупая шутка, он через три километра кончился. И снова песок по ступицу, гравий по ступицу, камни».

⁶ BMW GS, оппозит, понятно дело. Туристический.

⁷ Toyota Harrier, кроссовер

– И вы представляете, этот асфальт через три километра кончился! Зачем его там положили?! Чтобы издеваться над водителями?! Никогда больше на Дальний Восток не поеду! И вы тут со своей Монголией, дураки.

...Жаргал был ещё на фестивале.

– Вы заезжайте, ты ведь там всё знаешь. На меня пиво не берите, я ещё это.... Короче не хочу. Короче, к вечеру буду.

Закупившись продуктами, мы пили пиво на лавке во дворе, когда приехал Жаргал.

– Пойдёмте в дом, вы там сами хозяйничайте.

– Мы тут уже купили продуктов, сейчас приготовим.

– Вы меня простите, я с вами чисто символически посижу, потом спать лягу. Устал.

Он сделал вид, что пригубил из рюмки и вправду упал смотреть телевизор. Мы с Лёхой сидели и пили пиво, доедая ужин: колбасу, сыр, шпроты, рожки с сосисками. Наступила темнота. В дверь постучали, и в комнату ворвалась крепко сбитая, ладная, решительная девушка с дерзкими и глубокими тёмными глазами.

– Здорово, парни! Анастасия. Жаргал где? Спит?! А ну вставай, зараза! Кто вчера куролесил, ко мне ломился? Стойку разгрузить надо, пиво тоже. Пошли, поможете.

Мы вышли в ночь. Во дворе стоял грузовик с фестивальным скарбом.

– Целую кегу не трогайте, она не оплачена. Вторую можете выпить, – распорядилась Анастасия.

Мы с Лёхой переглянулись. Зачем же мы своё пиво покупали? А теперь как? Завтра нам ехать.

Утром мы распрощались, обменявшись телефонами. Лёха уходил через Эренцав-Соловьёвск, я через Кяхту-Алтанбулаг. Встречу назначили в Улан-Баторе. С Лёхой я не поехал, чтобы не напрягать доброго спутника перетаскиванием «Европы» по пескам. Было бы нас трое, другое дело. А пока впереди снова вставало одиночество и неизвестность.

Но мне предстояла ещё одна ночёвка на родной земле, в клубе «Оппозит».

...«Оппозит» – паразит», встретила меня надпись на стене внутри мотоклуба. Встречал меня, как и в прошлом году, Андрей, рослый бурят, и Тимоха, русский, маленький, похожий на гопника, с такими же манерами, на что он не обижался.

– Ну ты чо, меня совсем не помнишь? А я тебя помню.

– Тима, давай по пиву съедим, потом я тебя вспомню. Андрюху помню, потому что он большой.

– Вот всегда так, все Андрюху помнят, – без обид сказал Тима. – Пошли за пивом. Я себе ещё матрас надувной куплю, в Байкале плавать.

К вечеру приехал и Женья Чемпион и два путешественника на Магне: Антон и Влада из Влада. После перегона Чита – Улановка у их Магны сдулись все амортизаторы. Антон жалуется, что из-за амортизаторов жопа болит всю неделю. Влада, сверкая глазами, делится дорожными впечатлениями. Антон оказался форумчанином, только это раскрылось лишь спустя полмесяца, после возвращения домой. Леха-КТМ тоже, но это я узнал ещё позже, когда этот негодяй, не заехав ко мне, проскочил Хабаровск на обратном маршруте.

Мне пока нечего рассказать им. Но Читинскую трассу я тоже не одобряю. Политый битумом перевал, резкие неоправданные изгибы трассы, старый асфальт и так далее. Но сегодня хоть Мухоршибирь сделали.

Чемпион рассказывает мне про Монголию.

– Монголы пьют не закусывая, смотри за этим. Поменяешь 5000 рублей на границе, на первое время хватит. Потом у меня. А так что, нормально. Выйдешь обратно, сразу к нам. Утром я приду, выезд из гаражей тебе открою.

Вечером со мной отрядили посидеть Саню, на Скайвее 650. Он заварил чаю, достал мне початую бутылку водки и просидел два часа, слушая меня и рассказывая об Улан-Уде.

Многие удивлялись – в Монголию, в одну каску?! А мотоцикл как готовить к такому? Эдик из Катеринославки в мой очередной приезд рассказывает: тоже, мол, на Монголию собираюсь, осталось немного доделать, кофры, сигналы, шлем. Мне становится стыдно и смешно за себя: наклейку новую на бак прилепил, мот к дальняку готов! Винт тут правильно говорит, «Попинал по колесу, пыль смахнул и поехал».

Люди понакупят «Хорлеев», потом боятся своей техники. «Про мой мотоцикл Harley-Davidson Sportster XL 2007 года написано ничтожно мало только потому, что он меня ни разу не подвел. За время поездки резина стерлась до корда, и лишь перестала гореть лампочка нейтрала, разболталась боковая подставка, да только один раз подтянул правое зеркало». Ну ни разу, заметьте, ни разу не подвёл! Лампочка и резина в дороге – расходники! Гайки протянуть – фигня! А вот Слава Гриндер на Кавасаки Иллюминатор 1990 года выпуска уже третий год ездит, и кроме как бензин залить и перекурить между заправками вообще ничего не делает!

Какая подготовка может быть у мотоцикла? Завёл, послушал. Клапана не стучат, звуков посторонних нет? Гайки протянуть все, где надо на фиксатор резьб посадить. Цепь проверить, звёзды не забыть. Всё стандартно и обыденно. Поменять сообразно километражу масло, фильтра, свечи, что там ещё? А, резину! Колодки! На «Европе», к примеру, тормоза работают что от педали, что от рычага одновременно, изнашиваются задние достаточно быстро. Если добавить дождь, пассажира, скорость, колонну, то ещё быстрее. Ремнабор хоть минимальный взять. Многие его не берут. Зачем? Сломался – в сервис. Да я-то что? Вот тётя Ася в одну каску на Алтай махнула, это подвиг. Блондинка... Но смелая.

Новый шаг в неизвестность – я покатыл в сторону монгольской границы. Степь всё более открывалась мне в своём величии. Сто лет назад здесь, сверкая клинками, неслись конные лавы атамана Семёнова, барона Унгрена и отряды Щетинкина. Ничего не изменилось с тех пор. Вон с той сопки, наверное, Семёнов смотрел в бинокль на Гусиноозёрск, который он так и не взял, а здесь, над обрывистым берегом сухого русла, стоял пулемётный расчёт красных. Я бы его там поставил, обзорность подходящая, и обойти с флангов не получится.

Гусиное озеро мне понравилось. А кому вода в степи не понравится? В широкой межгорной котловине покоилась серая вода до горизонта. Западный берег туманом упирался в синие сопки. В поперечнике озеро около 10 км, и про «берег в дымке» отмечали и первооткрыватели озера. Здесь, рядом с берегом расположено два каменноугольных месторождения, плюс похоже разрабатывались залежи солей, не уверен.

Жарко ли было? Я ожидал, что солнце сплющит меня, ещё не доезжая до границы, но на удивление было жарко, но терпимо. Наверное, после хабаровской 100% влажности такая жара жарой не являлась.

Перед путешествием в Монголию я, как и положено, постарался побольше узнать об этой стране, о питании, опасностях и прохождении таможни. Помогло ли это знание? Сразу скажу – нет. Физико-географические условия я знал и так, а рассказы наших современных путешественников и по совместительству интернет-писателей грешат необъективностью. Ни один (!) из прочитанных постов не отразил реального положения дел. Либо сухо, либо «ах как здорово»! Либо – я оказался не в той стране. Правды ради скажу сразу, что в Монголии хорошего: мясо, водка. Степь? На любителя. Люди? Если повезёт, как повезло мне, и то не сразу, и то не факт, что повезло. Однако по порядку, а вы уж сами попытаетесь поймать меня на вранье.

Монголия

*Вы солгать изволили, топ cher,
Суть вы – содомитъ и лицемъръ.*

Для начала стыренное из Интернета. География не выходя из квартиры.

Гардероб. Гардероб это Китай. Да, вы можете говорить кому угодно: HUGO BOSS, COVALLI, GUCCI – КИ-ТАЙ.

Антресоли. Антресоли это Монголия, потому что ни хрена не понятно, что там лежит, что там происходит, вообще ни хрена не понятно.

Кухня, кухня это Ближний Восток, потому что там постоянно что-то готовится, всё на ножах, постоянный фарш, мясо по стенам, слёзы, и в центре этого диктатор, который воняет химическим оружием.

Если вы живёте с тещей, то комната тещи это США. Открываем дверь – вот оно, тупое лицо руководителя государства. А если Вы только сунетесь на Ближний Восток, жопа, война обеспечена.

Туалет, туалет это Голландия. Потому что неровно положенный кафель постоянно напоминает вам, что его клали какие-то педерасты.

Телевизор, телевизор это Украина. Потому что пульт управления гуляет по рукам, поэтому каждую минуту на Украине новая программа.

Кот, если у вас живёт кот, то это Прибалтика. Ест на халяву, пьёт на халяву, мелко пакостит и делает вид, что ни хрена не понимает по-русски.

Холодильник это Евросоюз, чего там только нет, и вроде бы всё лежит аккуратно, по полочкам, но обязательно, что-то одно воняет. Как только жрать нечего, сразу все лезут в Евросоюз, и Прибалтика тоже суёт туда свой нос.

Балкон это Египет. Нигде в мире вы не найдёте большего количества древностей, причём этого говна там целые пирамиды.

Гараж это Париж. В центре стоит большая груда железа, под которой можно трахаться часами.

И собственно вы во всём этом Россия. До поры до времени улыбаются США. Кормите Прибалтику. Боретесь за право обладания пультом управления Украины. Соприкасаетесь с Евросоюзом. Но сдохнуть хочется в Париже.

Так вот, про антресоли.

... На горизонте показалась крутая и огромная по площади зелёная сопка, поросшая соснами. Я взлетел по раздолбаному серпантину на прекрасный асфальт, и тут дороги разделились. Вправо на Кяхту, влево – на пункт пропуска. От будки отделился человек в пятнистой одежде и взмахнул жезлом. Я остановился.

– Вы не скажете, как мне сначала лучше – в ваш посёлок или за границу, – начал я, упорно не замечая знаков различия на зелёной куртке человека через опущенный визор. – Музей говорят у вас там хороший.

– Для начала – ваш паспорт, потом поговорим, – сухо сказал человек и протянул руку.

– Да, пожалуйста, – я откинул шлем.

– Гм, – человек откашлялся. – Я старший прапорщик Дробышев, пограничная служба, проверка документов. Его голос подобрел. – Теперь и поговорить можно. Вы, Илья Вячеславович в Монголию собрались? Тогда вам прямо. Но Кяхта – не посёлок, а город, – с хорошо скрытой обидой произнёс он. – На обратном пути рекомендую заехать. Музей имени Обручева у нас действительно хороший, древний. Старейший в России, я бы сказал.

– Заеду, обязательно.

Зачем я сказал эту фразу? Кто тянул меня за язык? Однако полдела было сделано, я обязан заехать в Кяхту. С этого всё и началось.

Заправившись на Роснефти прямо перед КПП, я втянулся в таможенный коридор. Что меня ждёт впереди?! Сегодня надо дотянуть до Дархана, найти ночлег.

– Ваш паспорт, – в очередной раз попросила меня служащая таможи, очень красивая, стройная молодая женщина с тёмными глазами.

– Пожалуйста.

Она пролистала его, споткнулась на фамилии.

– Какая у вас фамилия... Красивая... Что везете, Илья Вячеславович?

Я не склонен шутить с таможенниками, даже если очень хочется. Вот снимет форму, тогда можно. Да и вообще, Монголия ждёт, какие шутки! Скорее надо!

– Ничего.

– Даже для меня? Вы надолго в Монголию?

Я посмотрел ей в глаза. В их глубине таилась грусть. Такая красота и грусть? Откуда?

– Даже для вас.

– Эх, мужчины, вечно вы стремитесь куда-то за горизонт...

Что-то дёрнулось во мне.

– Я вернусь, обязательно вернусь. Для вас.

– Да?

В её глазах, перекрывая грусть, еле заметно плеснулась радость. Или мне показалось? Искра – и вокруг вспыхивает пожар. Мир загорается неведомыми красками, и для неё в пустынях зацветают сады, безжизненная степь покрывается цветами, возводятся города и кипят войны. И какая теперь Монголия? Время остановилось.

– Э-эй! – она помахала перед моим лицом пальцами. – Ты где?

Я вернулся в реальность. Граница. Монголия впереди. Она остаётся здесь.

– Счастливого пути! – она отдала паспорт и, улыбувшись, мягко подтолкнула меня вперёд. – Езжай, не собирай толпу!

За мной уже стояла очередь из автомашин и туристический автобус.

Отойдём от лирики.

Проходим паспортный контроль. Потом таможенный контроль. Тут как повезёт и кому как. Так что ориентироваться на интернетовские рассказы не стоит. Русский таможенный контроль я прошёл мигом, но всё же за этот миг меня попросили открыть всё, что открывается и даже снять седло. Похоже, таможенников не сколько интересовал именно мой мотоцикл, сколько интересовала возможность сокрытия в нём разных тайников. Поэтому, подумав, я даже показал таможенникам два передних бардачка для инструментов и телефона. Пару килограммов железа туда заснуть можно, не знаю, сколько это в гашише будет. Заставили оттереть VIN. За это время бурятка-таможенница забрала мои документы и оформила мне въездной талон.

– На монгольской границе его не показывайте, заберут, они русский не понимают. Когда будете возвращаться, у нас отдадите. Это вам время сэкономит.

– Страховку у вас же сделать?

– Нет, на монгольской стороне.

Всё, теперь ставим печать в паспорте, на выходе проверяют правильность оформления всех документов, и пограничник открывает шлагбаум. Родина, ты где? Прощай, Родина...

На монгольской стороне ситуация зеркальная. Проверка въездных документов. Таможенный досмотр. Заполнение декларации, проверка всех въездных документов, выход. Ничего там запутанного, как пишут в Интернете, нет. Но: при въезде меня заставляют нырнуть в лужу с дезраствором. За это взяли 70 рублей. Железные плиты уходят в грязную жижу. На тяжёлом мотоцикле по железу в воду, круто. На мой вопрос – гцн? (не глубоко ли?), монгольская

таможенница отвечает: – насрать! А нас орда, еду. Но если упаду, кто меня из мерзкой жижи поднимет, эта дура, что ли?

На таможенном досмотре, как пишут в Интернете, монголы ничем не интересуются, хоть слона ввози. Ага. У меня таможенник открыл даже сигареты и каждую понюхал, прошерстил все сумки и кофр. Просто всё перерыл! На паспортном контроле, пока заполнял иммиграционный талон, из ниоткуда набежало с сотню монголов, еле разгрёб их, пробиваясь к окошку, я ж тут первый стоял! В итоге вместо минуты потратил десять. Зато не пошёл через железомыслитель, просто нагло обошёл его, протянув служительнице иммиграционный талон. Тут же, в отделении Чингиз-банка (вы думаете, здесь есть другие банки?) обменял 5 рублей по выгодному, как мне казалось курсу. Курс чуть выгоднее впоследствии нашёл у меня на рынке. И банки есть не «Чингиз», рангом пониже. Купюры монгольские отвратительные. Их печатают на дешёвой бумаге, и потому они быстро выходят из строя.

Выехал. За КПП ещё один шлагбаум. Страховку оформить. Ну никак не проедешь, а пишут в Интернете, что можно. Хрен там. Оформил. 500 рублей не так дорого, да и без вариантов. И вот тут уже всё, на чужой стороне. Серая деревня, низкие домики, песок, это Алтанбулаг. Пишут, что тут есть гостиницы, таверны, но не впечатлило. Дыра какая-то. Проехал не останавливаясь за пределы посёлка в степь. Первое, что меня поразило в степи, то, что на плоской сопке на гигантском флагштоке развивался не менее гигантский флаг Монголии. Его край был порван, и в абсолютной тишине летал по бесконечному небу. Какой-то бред во время чумы...

Асфальт неплохой, но по мере приближения к Улан-Батору всё хуже и хуже. Было бы ничего, но ведь он платный! Местами стоят КПП и ты отдаёшь за проезд деньги! Ремонт дорог выполняется просто, при помощи лома и лопаты. Заплатки потом неровные, потряхивает.

Монгольские деревни – смесь русско-китайского стиля. Чуть меньше грязи, чем в Китае, и чуть меньше порядка, чем в России. Планировка улиц практически отсутствует, как и повороты дорог. Как идёт, так и идёт. Проехал Сух – Батар. Трубы ТЭЦ, невзрачные домишки. Тот же Артем Приморский. Заправок оказалось больше, чем в России, чуть ли не каждые пятьдесят километров. Зато закусовых, или как положено, «цайны газар», не настолько много. Они есть, но половина закрыта, половина ни о чём, даже заходить страшно. Пожрать одним словом проблема. Как зарисовка: стоит прямоугольный, поставленный на узкую сторону домик-газар у дороги, прямо как избушка бабы Яги. Над окном криво прибита доска с надписью «тыц». Тыгыдыц, поели, едем дальше.

Проехал по старому Дархану, проехал новый, развернулся. На сегодня хватит, пора есть, искать ночлег, а завтра в Улаан-Баатар. Гостиницы в старом городе мне не понравились по причине рельефа, хотелось ровного места и более понятного. Для начала пообедал-поужинал в кафуге. Мясо, мясо! Цай. После этого пошёл изучать местные нравы и обычаи. Вначале нашёл гостиницу за 70000, высшей категории, типа «сто звёзд» (звезда по местному – оз). Страна Оз, вот так. Подумал что дорого, поехал дальше и вскоре нашёл относительно недорогую гостиницу за 33000 денег. В эту сумму входит гараж и завтрак. Завтрак – заботливо накрученные при тебе свежие буузы, цай. Рулон (!) туалетной бумаги и обалденное душистое мыло – в подарок. Вода в душе чуть тёплая, скорее просто холодная, но по монгольской жаре нормально. Кондиционера нет, да это и не нужно, ночи холодные. Настоящая, очень жаркая жара начинается только ближе к вечеру, когда прогреется земля, но длится она недолго, ровно до захода солнца. Резко континентальный климат!

Вечером пришла СМС: «добро пожаловать в Монголию. Ваш Мегафон». С одной стороны приятно, меня поздравили из России, а с другой неуютно как-то. Я под колпаком! Даже Мишган не знает, где я, а Матрица знает.

Завтра снова в путь.

Проехал до Улаан-Баатара, свернул на Баянцогт, Сумбэр и далее на Эрденет – Дархан. Собственно в Монголии три города: УБ, с населением лимон триста, Дархан 70 тысяч и горно-металлургический кластер Эрденет 30 тысяч. Улаан-Баатр само собой, столица. Ранее, при Чингизе, столица находилась в Каракоруме. Именно её хотел восстановить барон Унгерн. Старое название Улаан-Баатара – Урга, русские его так называли. Оказывается, ещё раньше это место называлось примерно как Ургу, что по-монгольски дворец. Там сидел что ли Богдо-хан, короче духовный лидер Монголии.

Монголы до революции в городах селиться не стремились, и ничуть не удивляет, что китайцы считали этот город своим, здесь было 5 тысяч русских, 25 тысяч монголов и 70 тысяч китайцев. Теперь дело наоборот. Жители степей распробовали жизнь в столице, и ломятся сюда толпами, как и в других столицах мира. В столице пусть и хлопотнее, зато денег крутится больше, и даже если не повезёт, можно тихо бомжевать в своей юрте на окраине. Как сказали мне монголы, за последние десять лет Улаан-Баатар очень сильно разросся. Не знаю, правда или нет.

Пошарахался по задворкам и дворам монгольских городов. Я не особо люблю парадные виды. За это время вот что получилось из моих ощущений: ничего необычного в Монголии нет. Впрочем, я никогда не искал в ней сакральный смысл. Страна без границ, как степь и небо, равнодушная и живущая бесконечностью. Вот, к примеру, почему до сих пор не нашли клады Семёнова и Унгерна? Мне сопка Тавын—Толгой с детства снилась. Дед с Сергеем Лазо знался, а Лазо воевал против Семёнова в том районе. За сопкой, со стороны Монголии обоз Семёнова и исчез. Царского, купеческого и иного золотишка немало осело в полковой казне. В Интернете пишут, что современными методами найти легко, тем более место более-менее очерчено. А я спрошу – а вы видели эти просторы? Да и просто лень... Дома у компьютера это невозможно представить. НКВД тоже искать пыталось, а уж какая серьёзная организация по сравнению с интернет-мечтателями...

Не было никакого золота у атаманов. Все потрачено на войну, а что припрятано, так всех владельцев переловили либо китайские власти, либо советские, и под пытками вытянули место захоронения кладов. Их тихо изъяли, а остались легенды.

- Говори, где спрятал золото, или тебя убивать будем.
 - Под скалой у озера Далай-Нор, только не убивайте.
 - Что он сказал?
 - Этот русский сказал, что можете его убить. Он ничего не скажет.
- Как-то так, и это не враньё.

Гостиницы – винегрет китайщины и просто ослепительно белоснежных простыней и полотенец. Цены от 1100 рублей на наши деньги. Гаражи представляют собой бетонные блок-комнаты со смешными воротами, которые закрываются на смешные висячие замки, которые можно сорвать ударом сапога. Песок настолько плотный, что держит любую нагрузку. Собственно, это даже не песок, а лёсс, такая мелкодисперсная пыль из кварца и глины. Песком укрыто всё – и старый асфальт между пятиэтажек, и все дороги-«направления». На вопрос: где проехать, тебе машут рукой в степь – здесь!

Цены реально пугают. Когда на заправке тебе говорят 16000 за десять литров, поначалу шок. У меня на третий день в кармане оставалось 62 тысячи. Вроде много. Но вот, тот же бензин 16000, пиво 7000, ужин 8000, гостиница 30000 и что?

Зарплаты тут около миллиона. На наши деньги тысяч 28—35. Соизмеримо с Россией? Так что курс доллара тут не причём, большие зарплаты – большие цены. Качественная вещь стоит столько, что её купить проще в России. Другое дело, что таких кож и шерсти ты нигде, кроме Монголии, не найдёшь, это у Монголии не отнять. А по мелочи – вездесущий Китай. На рынках мне было скучно и не интересно. Китай, только цены другие, выше. Пыльно, старо,

подозрительно. Ни тебе весёлой болтовни с китайцами, ни посиделок у торговой точки, ни новинок технической мысли.

– Твоя хунхуза! Откуда торговаться можешь? Твоя хитрый! Давай ещё торговаться!

– Сам хунхуза. Разве это цена? И товар старый.

Китаец бегаёт вокруг, расхваливая товар, или наоборот, убегает от тебя, а ты бегаешь за ним.

– Садись, чай будешь, сигарету дать? Говорить будем, языку учиться будем!

Из-под лавки достаётся потрёпанный разговорник.

В Монголии так:

– Покажи мне это!

– Э?

– Ну это!

– Э?

– Сколько стоит?

– Стоит 20000 тугриков, – торговка отворачивается.

Это разве торговля?

Бензин откровенно поганый, отвратительный. «Слушай, какой 98-й? есть бензин, есть дизель» – это из этой оперы. Не знаю, чем он так понравился Клаусу. Своей нефти на сегодняшний день у Монголии нет. Несколько мелких, очень мелких месторождений и нефть там очень густая. Выход бензина в пределах 20% по массе, остальное мазут.

Водка (Архи, Сэлэндэ, Чингисхан) от 245 до 500 рублей на наши деньги. Вся очищена молоком. Архи – общее обозначение крепкого местного молочного напитка с градусом. Водка тут хорошая, как и пиво. Пиво 40—60, сигареты 60—70 (разумеется Чингисхан, его птица, Парламент и – неожиданно – украинский Вест). С сигаретами вообще напряг. В прошлом году, по образцу России тут приняли закон о курении. Курево есть, но приходится искать, язык в помощь, язык и до Улаан-Баатора доведёт. Захожу в магазин (дулсэй газар), надо купить сигарет в Могочу, на подарок.

– Курить есть?

Монгол вытаскивает пачку и протягивает последнюю сигарету.

– Да мне купить, пачку!

– Угуй, нету.

– А где есть?

– Иди туда и туда, там магазин, в нём тоже нет, иди дальше, там на горе есть.

Типа так. Кстати, разговор идёт не по-русски, а по-монгольски. Я уж тут особо монгольскую речь прописывать не буду, поедете, сами научитесь.

Отношение к русским тут двоякое: с одной стороны их любят за широту души, с другой обижаются, что русские монголов «бросили», и не поставляют больше дешёвой водки, техники, рабочей силы. Да, именно рабочей силы! Обижаются аккуратно, но в разговорах эту тему я всегда старался обходить. Кто знает, как потом переклинит улыбчивого монгола?

Ну, верите? Уже после поездки мне попала статья Дарьи Асламовой, той самой «дрянной девчонки», про Монголию. Я не удержался и частично приведу здесь слова монголов, с которыми она беседовала.

«Что мы построили за 70 лет болтовни? Строили русские специалисты на советские деньги. Теперь полно политиков, которые кричат: я за народ! Вас, мол, грабят австралийцы, которые разрабатывают месторождение «Оую-Толгой», китайцы или русские. А на самом деле мы сами не в состоянии ничего построить. Нет ни средств, ни специалистов. Зато много спеси.

Отношения России и Монголии возобновились с приходом к власти Путина. Начались государственные визиты, обмены делегациями, улучшились торговые отношения. В 2003 году Россия простила Монголии долг 11,4 миллиарда долларов за счет российских налогоплатель-

щиков, не получив в обмен НИЧЕГО! (По слухам, российский МИД, предполагавший, что в обмен на списание Россия получит доступ к разработке монгольских месторождений, был просто в ярости. Но в Улан-Батор приехал премьер-министр Касьянов, и неожиданно соглашение было подписано.)

«...в 2006-м договорились, что российский «Полиметалл» будет разрабатывать месторождение серебра Асгат на границе с нашей Тывой. Это был обоюдовыгодный проект. Все подписали при послах и президенте Путине в Москве, а парламент перечеркнул весь проект. Мол, 51% должен в любом случае принадлежать Монголии, ну «Полиметалл» и отказался. Это у монголов политика такая: иностранцы должны все сделать, построить, довести до ума и свалить.

Монгольская мечта – чтобы через них из России проходили автомобильная и железная модернизированная дороги в Китай, линии электропередачи и стратегические трубопроводы, а они бы ничего не делали и только получали деньги за транзит.

Сказка о новом азиатском тигре в лице Монголии – это миф и блеф. Где этот экономический рывок, скажи мне? У них в изобилии только скот, цена на мясо которого за полгода выросла в три раза, и ресурсы. Вся промышленность им сформировал Советский Союз, остатками которой они питаются до сих пор. Строят здесь в основном китайцы и корейцы (вот у тех экономический рывок налицо). И вообще монголы – сугубо гуманитарный этнос. Очень музыкальны, обожают танцы, сентиментальны (сказываются кочевой образ жизни и привычка к созерцательности, ведь в степи можно бесконечно смотреть на звездное небо). А такая нация, по-моему, в принципе не может быть технократическим тигром. Монголов, в сущности, не коснулись конфуцианские ценности, на которых построен весь азиатский успех, – такие, как порядок, дисциплина, коллективизм, воздержание, превосходство групповых интересов над индивидуальными, мягкий авторитаризм. Они ярко выраженные индивидуалисты и эгоисты. По менталитету Монголия – вторая Украина. Когда им надо, они вспоминают о том, что мы – их друзья».

Дальше снова мои впечатления, сравнивайте, думайте.

...Поесть реально тяжело, меню на тарабарском языке, зачастую без картинок. А зачем в глубинке картинки? На это накладывается абсолютное равнодушие монголов. Пообщавшись, посмотрев жизнь, я пришёл к выводу, что нация ленива. За это они не любят энергичных китайцев, которые везде суют свой нос. Монголы не стремятся учить языки. Не стремятся что-то продать тебе, накормить, не стремятся и получить от этого выгоду. Жара, степь, песок. Зачем что-то менять? Их зря вытащили из феодализма, они до сих пор не там и не здесь. Так, облапошить на незнании курса валют или просто умыкнуть, это да.

Вот из заметок путешественника Олега Ярина, несколько созвучно, и не я один подметил особенность Монголии:

«Монголы ведут неторопливый созерцательный образ жизни. Из года в год перед глазами арата (скотовода) одна и та же картина, один и тот же пейзаж, одни и те же действия в течение дня, впитанные с молоком матери. Утром скот отгоняется на пастбище, вечером – возвращается. Весной – перегон на летние стоянки, осенью – на зимние. Проехал мимо юрты ЗИЛ или УАЗик – развлечение, кино; остановился – театр; сломался и просит помощи – надолго запоминающееся событие. На фоне этого однообразия водка, возможно, заменяет пустоту эмоциональных переживаний. Выпивают монголы в любое время, вне зависимости от того, находятся они на работе или нет, при исполнении или на отдыхе». Насчёт последнего предложения я бы поспорил, но об этом позже.

Я в туринговых штанах и сапогах, с ножом на поясе и в кожаном жилете с нашивками и медалями бродил по городу с бутылкой пива, и никто, никто (!) не повёл и глазом. Такое в России представить можно? Впоследствии я в том же прикиде ходил в компании монголь-

ского фашиста. Монгол был в полной форме, в фуражке, и с железным крестом на груди. Реакции ноль.

...Когда уезжал, мне многие знатоки объясняли про знаменитые бузы, что их готовят обязательно при тебе, а если их разогревают в микроволновке, это плохая харчевня. Как бы не так! Никто специально для тебя их лепить не будет. Ешь, что дают. Повезёт – будешь есть свежие. Вообще на свежие приглашают специально, меня так и приглашали. Но начинка у любых бууз – это да! Это отличное мясо, просто самое лучшее. Мясо тут убивают не так, как у нас. Разрез брюха на ширину ладони, вынимание сердца. Вся кровь после этого в мясе, мясо сочное и тёмное. Остальная еда – смесь варварская. Как вам: рис с картошкой, сладким перцем, капустой и фрикадельками, плюс лёгкие, почки и сердце. Вкусно, но варварски.

Чай пьют, как и положено, с молоком, маслом и солью. И не чай и не молоко, но жажду утоляет. Вкус? Солёная жидкость мутного молочного цвета. Соли может быть безбожно насыпано от души, потом даже цуйван кажется несолёным. Остальной «цай» понимают под словом «липтон». Но это ничего не означает. Это может быть любой пакетик с любым содержимым, от элитного «гринфилда» до сомнительного пакетика с подозрительной травой. Отказаться не получится.

Обычай пить солёный цай очевидно пошёл от дороговизны и трудности доставания соли. Месторождения соли в Монголии очень маленькие, и почти всегда комплексные. То есть поваренная соль NaCl сочетается с глауберовой Na₂SO₄·10H₂O. Отделять её было затруднительно и для скотоводов в годы Чингиза и позднее. Тратить драгоценный порошок на суп смысла мало. Лучше его растворить в питье и выпить. Отсюда и пошёл солёный чай.

Дороги местами очень неплохи, я шёл 140. Но в основном реальная скорость 100, что по степи, что по асфальту. Клаус на это сказал: ты настоящей степи не видел! На спидометр смотри – сколько? Пятьдесят! И это очень быстро. Реально 30—40, понял?

Да, такой степи, как в Восточной Монголии, я не видел, не спорю. Грунтовка, обычная грунтовка, как у нас в деревнях, только более «проезжабельная». Без гравия и камней, только песок. Я даже по бираканской грунтовке на «Европе» следом за Кунаширкой давил 80, и это был не предел, а ведь дорога там не грейдирована, с ямами и камнями. В Центральной же Монголии степные дороги вполне себе неплохи, если без дождя. Да и какие тут «бебень», коли я один? Так, прохватить немного, поднимая шлейф пыли, и то неплохо. Пугали только тарбаганы норы, про которые упоминал Бородад, но я их не встретил. Тарбаганы весьма жирны и вкусны, и их попросту съели простодушные монголы и алчные до новизны туристы. Хотя кто такой тарбаган? Это гипертрофированный суслик, суть крыса степная. Мы ж обизьяны, свою крысу есть неинтересно, а вот то же с лейблом «made in» с удовольствием. В лесу, когда белку предлагаю, все морщатся, фи, гадость! Как белку есть можно! А вот белкозавра, этого всегда будем, этот вкусный!

...Дорожные знаки, в основном, монголы уважают. Сигналы подают редко, но если я подаю их, тоже начинают подавать. Чем не Россия? У нас ведь тоже хватает лентяев показать поворот. Указатели посёлков ничего не говорят, это просто указатель того, что здесь, может в нескольких километрах стоит юрта, а от неё в километре другая, посёлок же! От указателя с началом населённого пункта до указателя его окончания может быть километров пять голой степи. Как в анекдоте: ты юрту видишь? Нет. А она есть.

На дороге всегда могут появиться животные: коровы, лошади, овцы, козы, яки. Везде стада, от гор до гор. Их, похоже, никто не считает. Считают, конечно, и краской метят, и тавро ставят. Вдоль дорог часто лежат либо скелеты этих самых коров, лошадей и прочих, либо их трупы, раздувшиеся, гниющие, чёрные, частично обглоданные хищниками. Хотел сфотографировать, когда первый раз увидел, но махнул рукой, я же не некрофил.

Сладкий трупный запах плывёт в жарком воздухе. Жизнь! Много беркутов. Мощные, очень огромные птицы. Туча грызунов и грызунчиков. Случалось, я даже давил их колёсами.

Живность пасут не только на конях, но и на лёгких мотоциклах. На мотоциклах же зачастую возят баранов. Водитель, на коленях баран. Пассажир, на коленях тоже баран. Едем в город на рынок.

Садят пшеницу. Хлеб в русском понимании прошёл мимо сознания. Когда мясо (мах) и лапша (цуйван), буузы и чай, зачем хлеб? Ещё сто лет назад они и лапши не знали. 8 фунтов мяса и чай, весь рацион.

Высоты 1200—1500 метров обычное дело. Несмотря на то, что Монголия – страна степная, перепады высот колоссальные. Оттого огромные озёра не воспринимаются как озёра, скорее как миражи, возникающие с очередного подъёма. Далеко внизу, за 10—20 километров в тяжёлой воде отражаются ещё более далёкие вершины и они кажутся частью степи. Вода не шелохнётся. Озёра сульфатные, почти пересохшие, покрыты коркой соли. Их размер часто велик, 8—15 футбольных полей. По солёной корке бродят лошади, что-то выискивая там. К вечеру, когда земля раскалена солнцем, живность спасается под мостами, в тени джипов, в тени друг друга. Трудно, нет, невозможно представить, что если ехать и ехать дальше на юг, ты встретишь влажные тропические леса, ярусами уходящие в небо, лианы, орхидеи и обезьян, бегающих в тени листвы.

Про горы я подумал, что забираться на них нет никакого желания, пусть они и под два километра высотой. Жара, степь, ещё и в гору лезть? Что там увидишь? Ничего, только жажда замучает. Вершины плоские. Перефразируя Визбора: «и нет там ничего, ни золота, ни руд, там даже самый гребень совсем не слишком крут».

Минеральные богатства Монголии, как я понял, не велики. Медно-молибденовые месторождения Эрденета, запасы флюорита – это пока единственно крупные позиции на рынке Азии. Немного золота, вольфрама и урана. Именно немного. Рассказни, что Монголия прямо золотое или урановое Эльдorado, бред, не более. Союз потратил на разведку более миллиарда рублей (тех, настоящих), и ничего толком не нашёл!

Для местных нужд есть уголь. Из камней – немного бирюзы и альмандины. Альмандины прикольные, россыпные, и немного в слюде, смотрятся красиво. Они есть ближе к русской границе. Есть и хризолиты, красивые зеленовато-жёлтые камешки. Гранят их где? Ну понятно же, что в Улаан-Баатаре.

Что меня удивило, так сейсмичность Монголии. Это очень напряжённый участок суши, где постоянно бывают землетрясения. Рифтовое ущелье Байкал – Хубсугул тому подтверждение. Гобийское землетрясение даже вскрыло ранее существовавшие разломы.

Но ведь неинтересно тут, даже в земле не покопаться! Рыть землю нельзя. Монголы, согласно своим верованиям, даже обувь носят с загнутыми носками, чтобы не тревожить прах предков. И как русские умудрились уговорить монголов вести горные разработки? Это сколько же водки надо было совместно выпить? Многих моих знакомых, когда я рассказывал про это, интересовало другое: а как они тогда хоронят умерших? Очень просто. Выносят умершего на сопку, и всё. Ночью собачки, днём птички. По национальным поверьям чем быстрее душа освободится от брэнного тела, тем быстрее она попадёт к Будде.

В свете этого можно поднять вопрос о могиле Чингиза. Исходя из своего славяно-христианского мировоззрения, многие думают, что великого хана похоронили в кургане, со слугами и золотом, а потом, чтобы не нашли место, прогнали табун лошадей. Нет, вероятно просто отнесли на гору.

Цвета в природе буро-зелёные, жёлтые, коричневые. Песок от красного до жёлтого и серого. Земля напоминает золу. Если разбить кирпичную печь, получится точная картина монгольской земли. Сгоревшие дрова, уголь, зола, битый кирпич, песок. Такие пейзажи часты вдоль дорог и радости они доставляют мало. Плюс смрад от павших лошадей. За этим ехать в Монголию?

Степь расцветает после дождя. Вечером прошёл дождь, и наутро равнина из бурой превращается в зелёную, покрытую мелкими жёлтыми цветами.

...Витка Клаус, проехав от Эренцава, хапнул счастья побольше моего. Начать с того, что «Доминатор» Серёги сдулся, ещё не доехав до погранперехода. А как тут не сдуться, если дорога не дорога, а направление – сплошное подбрасывание вверх-вниз, а мотоцикл гружённый? Но они всё же перешли границу, переночевали у мелкого озера и отправились дальше. Дальше началась голая степь. У них был настоящий тяжёлый поход, с ночёвками в палатках, с поисками пути, воды и еды. Это я, как истинный ленивый цивилизованный турист, старался сильно на рожон не лезть, помня, что я один и на тяжёлом мотоцикле. Хотя меня больше, чем дороги, напрягало отсутствие родной речи.

Монгольский язык достаточно прост, сложность в отсутствии гласных. Хрена ли, ддц! Ну а что, это «брат». Или «хццхдийг зодож болохгцй», что тут непонятного – бить ребёнка нельзя! Проблема выговорить. «Бие засах газар» тоже понятно – быть, поссать, помещение, – соответственно туалет. Пришлось мне язык осваивать. «Твёрдое знание одного языка в значительной степени облегчает изучение других», писал Мохандас Ганди. К тому времени я немного освоил китайский, эвенкийский, английский и немецкий, так что задел был. Проблема лично для меня была (и остаётся) – боязнь своего произношения.

У меня был с собой словарь монгольского автора с неоднозначной фамилией Алтанхуяк, с интересным набором фраз, а также интернетовский разговорник, вещь совсем не точная в произношении. Тем не менее, дело изучения пошло, пусть может не совсем ровно, ну в духе «запомни, вилка тарелька, но сол фасол». К примеру слово «да» звучит в разговоре как «за», но употребляют ещё массу других слов, я не стал вдаваться в частности фонетики. Но меня стали понимать. Первый шок от этого случился в газаре, когда я окликнул хозяйку.

– Надад гоймон уг! (Лапши дай)!

– Мах? (С мясом)?

– За. Таны нэр юу вэ? (Да. Как тебя зовут)?

– Би Улаан-цэцэг байна.

Нет, нет, и нет! Это невозможно! Я её понимаю?! Я немного обалдел, что она мне вообще ответила, и вроде как ответила по делу, и потому обратился к сидящему за соседним столом монголу:

– Тэр намайг ойлгодог?! Она меня что, понимает?!

– Мэдээж хэрэг, конечно, – равнодушно ответил монгол. – Я тоже понимаю.

– А что значит «цэцэг»?

– Цветок.

На этом месте рассказа меня перебил Клаус:

– Погоди, погоди, а ты что, заранее в Монголию собирался? Откуда у тебя разговорник?

– Из Интернета распечатал.

– Где, где ты его из Интернета в Монголии распечатал?!

– Так дома и распечатал!

Паспорт я брал с собой на всякий случай, и разговорник распечатал тоже заранее. Стоял изначальный выбор – либо Китай, либо Монголия. Но раз первый встретился Клаус, и вдобавок вручил карты, то и выбор решился сам собой. Продолжаем.

Архитектура советская и неокapиталистическая, мне не понравилась. Хренова туча отелей, я не понял – для кого? Наверное спрос есть, раз строят. А так юрты везде. Это и жилище, и кафе, и гостиница, и бытовка, и дом. Конструкция остроумная, основательная, и – на удивление – мобильная.

Дацанов, в отличие от России не так много, тут мы похоже перегнули, как и с церквями. Возможно дело в менталитете. На огромных расстояниях не нужны дацаны. В любом месте можно воткнуть палку, обложив её камнями, обойти по кругу, помолвившись, и снова в путь.

Другой путник, увидев палку, тоже положит камень и обойдёт по кругу. Так возникают курганы обо – места молитв. Буддизм тут не внешне, как у нас в церквях Христос, буддизм тут в душе. Про то, что бог должен быть в душе знают, независимо от вероисповедания, многие люди Земли, но почему-то не спешат жить простой общечеловеческой моралью, предпочитая внешнюю демонстрацию лояльности религиям. Снова вспомню слова Мохандаса Ганди. Как ни крути, человек был великий: «сущностью религии является мораль». Возразите!

Из основных героев Чингисхан и лошади. На третьем месте птица Чингиза. Каждый мнит себя потомком Чингизида. Я даже спорил об этом с монголами, нет, стоят на своём: в каждом есть капля крови великого человека тысячелетия. Почитание Чингиза видно даже в названии Улаан Баатара. Угра переименована не в честь некоего красного героя Сухэ Батора, как думал я, а именно в честь Чингиза.

Мужики все плотные, бойцы. У каждого имя Богатырь, Герой, Воин. Батыр – это какими-то неведомыми монгольскими путями тоже означает Чингиз. Маяковский, когда чистил себя под Лениным, тоже заметил: «мы говорим Ленин – подразумеваем партия, мы говорим партия, подразумеваем Ленин». Я бы сказал, что батыры даже красивы своей первобытной мощью. А вот женщин красивых видел всего двух.

Телевидение состоит из русских и китайских каналов. Несколько своих, но ни о чем, развлекаловка и европеизированные боевики. Для сравнения приведу Китай, где всю освещают свои вооружённые силы, героическую историю Китая, красоту природы своей страны и мира, трудовые новости, культуру. Посмотрев китайские программы, поневоле начинаешь думать, что именно Китай победил Японию во Второй мировой войне.

Феодализм. Несмотря на это, много авто. Много новых «Кроунов» (это гораздо жирнее, чем «Камри»). Есть «Гелендвагены», Мерседесы Гелендвагены. Ну Ленд Крюйзеры само собой, просто ни о чём. Только все автомобили – новые. Тут я подумал, что за Уралом слово Crown ни о чём не говорит. Так вот, если Тойота Камри обозначить как отличный седан бизнес-класса, то Тойота Кроун просто суперлюксовый звездолёт. Есть корейские авто. Много «Примусов» белого цвета. Сперва я даже думал, что меня преследует один и тот же примус, да. Грузовиков советских видел 4 штуки за всё время. Тут даже трактора – харвестеры, или как их там. ... В «примусах», в багажниках, среди кучи барахла зачастую скрючившись, лежат девочки. Или мальчишки? Нет, чаще девочки. Наверное девочкам не положено ездить на сиденьях, багажника хватит.

Нация спит и видит сны о былом могуществе. В разговорах это нет-нет, да проскользнёт. Поначалу мне было смешно. Как можно бредить мировым господством, не имея технологий? Времена степных кочевников прошли, теперь мощь страны определяет ядерное оружие, самолёты, ракеты, связь. Но потом я вспомнил Рим, который взяли грубые вар-вары. Вай-вай, какой дэвушк! – поначалу тоже смешно было, а теперь пол-Европы с этим «вай-вай» живёт, и ничего сделать не могут. А монголы куда и не торопятся, придёт наш час, считают они. Ощущение, что я хожу по заснувшему вулкану появилось у меня на второй день в Монголии, и больше не исчезало.

– Сегодня жарко, +34, – говорит мне монгол у газара.

– Угуй ундур, ни хрена, у нас жарче, – отвечаю я.

Здесь, из-за сильного охлаждения поверхности ночью, утром дуют ветры, основанные на разнице температур склонов. Но после обеда работать реально лень. Вот и первая причина феодального строя – лень.

Лошади повсюду. Красиво, когда табун галопом мчится к близкому лесу, поднимая тучи пыли. А так – ходят, траву жрут, играют. Вот одна захотела, легла прямо на дороге. Другая её поднимает, третья нетерпеливо бьет копытом и мотает головой. Две прячутся в тени Крюйзера. Один жеребец только что спрыгнул с кобылы и шумно вздыхает, другой льёт мощную струю мочи на сухую землю, жизнь!

Подъезжаю к очередному цайны газар. У дверей стоит плотный монгол, и спустив штаны до колена, тоже справляет малую нужду.

– Сайн байна уу. Нщцгэн тал, тэглээ? (Привет. Кому ты в степи нужен, да?)

– За, тал, – соглашается монгол. (да, никому).

Если кто помнит, в «Забайкальском продубасе» я рассказывал о подобном в Бурятии: «а где здесь туалет? В степи. Так видно же? А кому ты там нужен, ога?». Жизнь.

Кстати, про произношение. Мы говорим «Ага», буряты и монголы отчётливо произносят «Ога».

Между юртами, на расстоянии с километр-два стоят бильярдные столы. Хочешь сыграть – играй. Скучно одному, не беда, тебя уже вычислили с соседних юрт в оптический прицел, и скоро приедут составить компанию.

На трассе много столов с глиняными чанами, здесь можно выпить айрак, кисломолочный напиток. Говорят градусов 5—7, не заметил.

Айрак – наш айран. Впервые я попробовал его в одном из «абадов» на границе Ферганской области. Знакомство было не из приятных. Стояла жара, хотелось пить. В соседнем кишлаке меня ждала девушка, которую я должен был забрать.

На улице возле глиняного чана сидела торговка в шальварах и тюбетейке. Аксакалы подходили и покупали у неё какое-то питьё.

– Что это у тебя?

– Айэран.

– Аэрон? Айрон?

– Да, айэрон.

– Давай.

Что за айрон? Железо, что ли? Или аэрон, ну это же совсем ни в какие ворота! Торговка открыла крышку, и я заглянул внутрь сосуда. Лучше бы не заглядывал. В глубине его стояла молочная жидкость, а на поверхности плавала лягушка на зелёных омовых стеблях с красными ягодами. Торговка отодвинула их в сторону кружкой и, зачерпнув, подала мне мутное питьё.

– Пей, вкусно!

Раздумывать было некогда, на меня саркастически уставились стоящие в очереди аксакалы, и я выпил странный, резкий напиток. Пить мне больше не хотелось до вечера.

... В Бянчмане, на выезде, висит рекламный плакат, издали кажется, что изображены две женские груди, и подписано: «баян». Поближе оказалось, это реклама куриных яиц. За яйцами монголы совершают набеги в Кяхту, на российскую территорию. Птицу, кроме беркутов здесь не уважают, как и рыбу.

– Поехали на Сэлэнгэ, – звал меня с собой монгол. – Там ррыба есть. Ррыбба! Вы же её любите!

А вот как обстоят дела в зосчид дэлгур (таверна, кафуга, и т.д.) Для знатоков поправлюсь: дэлгур – магазин. Просто слово мне понравилось, а разницы мало. Берём меню.

– Бууз идэх?

– Угуй (нет).

– Мантуун бууз?

– Угуй.

– Ямар асуулт байх вэ цуйгван? Энэ юу вэ?

– Цуйгван.

– Цай. Одонгтэй хуурга. Хонины мах?

– За. 6500 тугрик.

Содержательная беседа, и познавательная. Особенно третий вопрос и ответ (к вопросу о нежелании монголов суетиться). Переводится это примерно так: «что за хрень такая – цуйван? Ответ: это цуйван!». Что непонятно, орос? (орос – русский).

Китаец бы тут из кожи вывернулся, лишь бы продать и получить деньги.

Ну хуурга тоже ничего, вкусная. Хуурга – это в переводе «второе блюдо». Одонгтэй (дунгтей – тут передать это невозможно) хуурга подразумевает мясо с яйцом. Ага. Яйцо в Монголии редкость, и хуурга только с мясом. Мясо с мясом, очень вкусно.

Мясо, мясо мясо... Каждый день мясо. Мясом потом у меня руки ещё два дня в России воняли, ел-то в основном руками. А потом их вытираешь о голову. У кого голова жирнее лоснится, тот и богаче, он мясо может себе каждый день позволять кушать. Вот так.

Изучив древнюю фреску, выполненную, разумеется, на коже, я несколько офигел от простоты и точности подачи информации. Жизнь народа представлена по-дикому, без прикрас. Хан пирует после победы. Лошадь играет с собакой, и воин падает с неё от лопнувшей подпруги, над ним смеются нукеры. Одну лошадь ловят арканом. Другую тут же разделявают, снимая шкуру. Мать с обвисшими грудями бьёт сына за опрокинутый чайник. В медном котле варится алкогольное пойло – архи, и голые мужчины и женщины лакают его из трещины. Размножаются овцы. Жизнь.

Теперь пройдемся по языковому барьеру. Как пишут в интернете, и сказал мне Клаус, русский язык знают люди постарше, кто помладше знают английский.

...Подъехав к недавно открытому кафе, поставил мотоцикл на боковую подставку и вразвалку пошёл к двери. Белый шлем, лимонный жилет, сапоги, на бедре сумка. Навстречу быстро выскочил монгол средних лет крепкого телосложения.

– Сан байна уу! А я думал, цагдаагийн газар яух (полиция приехала)! Та орос?

– За, орос. (Да, русский).

Мы разговорились.

– Знаешь, я русский ещё помню, я в Усолье-Сибирском учился. А сейчас, – монгол расстроено махнул рукой, – никто ничего не учит. Раньше и русский учили так себе, теперь вот английский ввели. Всё равно не учат. Жизнь – песок. У нас всё – песок. Счастье, деньги, любовь. Ничего не остаётся, всё уходит в песок. Жизнь!

– И твоя жена?

К монголу в этот момент прильнула миловидная монгольская женщина.

– И моя жена и я, все уйдём в песок.

– А что останется?

– Останется? Наверное любовь останется. Она должна остаться и осветить другого. Такая наша жизнь. Что кушать будешь? Чем бы тебя накормить? Пельмени будешь?

– Без разницы. Только не пельмени. Надоели.

– Давай цуйгван с мясом? Цай липтон нет, наш будешь? Русский его не любят.

– Буду.

Это к слову. Захожу в газар, сидят кучкой мощные монголы, что-то пьют-жрут. Рожи у всех такие, ну бандитские, что ли. Сразу на меня уставились, что нехарактерно для монголов. Обедать здесь уже расхотелось. Что-то вроде истины путешественника: «закупаться „дошираками“ и пивом в сельпо деревни „Красный Ленин“ под пристальными взглядами местных обитателей, которые, вполне возможно, нетрезвы и весьма не прочь докопаться до редкого в их краях персонажа, пожалуй тоже не стоит».

Один расплывается в щербатой улыбке, наверно рассчитывая блеснуть знанием английского.

– Do you speak English?

– Of course.

Монгол, видать ожидая услышать более привычную фразу, сразу замолчал и уткнулся в стакан.

– What is there to eat, friends?

Тишина.

– Эй, я из России, та угуй англи хун! Что тут у вас поесть можно? Та орос.... Би орос.... Да какого хрена я им на трёх языках распинаясь, надо валить. Не, не всех, а самому отсюда валить.

Тишина в ответ.... И мёртвые с косами стоят.... Брехня....

Вот, ради прикола отрывок из интернета, совпадает? «В любой дом вам откроют двери и примут с таким участием и искренней доброжелательностью, что в вашей душе поднимется сентиментальный трепет и глаза окажутся на мокром месте.

Путешественникам из России, как никому другому, оказываются особое радушие и гостеприимство. Невзирая на то, что вы не успели предупредить о своем приходе, вас встретят с неизменной теплотой, без смущения, как будто здесь целый день только и ждали, когда же вы придете. Без промедления вас тут же угостят для начала превосходным, особенным монгольским чаем с баурсаками. Баурсаки – это ломтики сладкого или соленого теста, обжаренные в масле, этот вид «дежурной» закуски всегда присутствует на столе. И уже через полчаса вы очередной раз удивитесь разнообразию и неисчерпаемому богатству монгольского стола». Приколно читать! Аж самому в ту страну, да с баурсаками хочется! И «превосходный, особенный чай» попробовать.

В реальности дочка хозяина очередного газара, взрослая монголка лет двадцати, пытается обсчитать меня. Отнимая 7500 от 20000 на калькуляторе и прекрасно видя цифры, она упорно суёт мне то 9000 то 11000 тугриков. Я указываю ей на косяк, она горячо добавляет к сдаче то 200, то 500 тугриков и снова смотрит на меня. Что этот глупый орос привязался? Ну подумаешь, на штуку обсчитываю его, ну на две....

...На остановке в торговом месте, пока я смотрел карты, ко мне подрулил подросток на велосипеде. Неподалеку стояла гопка таких же, как он подростков. Среди молодежи нынче сильны антикитайские настроения. Китайцев в Монголии не любят исторически. Я конечно не китаец, лицом немного не вышел, но стало неудобно.

– Hello! – начал он.

А. вот оно, юное поколение, которое знает английский. Я напрягся, быстро выуживая из памяти небогатый словарный запас английского, чтобы не посрамить русский флаг, и осторожно ответил:

– Hello!

– Money! – монгольчик вытянул руку ладошкой.

– My young friend you're too young to ask for money. (Рано тебе ещё просить мани).

Парень вытаращил на меня глаза и быстро произнёс:

– What's your name?

– No, what's your name? – Я сделал ударение на слове «your».

Монгол похлопал глазами и снова выпалил:

– Money!

Я достал пачку сигарет «Птица Чингиза».

– Take one cigarette and go fuck, на хрен! – Последнее слово я сказал, конечно же, более жёстко и нецензурно, после чего завёл мотоцикл и уехал.

Монгольчик исчез, не взяв предложенной сигареты. Вот такое знание языков.

– Хужир, хужир, шара айраг! – бормотал занюханный монгол сжимая в руке пачку мятых тугриков. Я как раз остановился выпить айрага.

Монгол тут же подскочил ко мне и схватив за рукав, потащил в юрту, где хозяйничала полная молодуха. Она резко и быстро что-то ответила мужику, я не смог разобрать. Перед эти м

он говорил о пиве и соли, что к чему? А, так он спонсора ищет или бабла догнаться. Не, не буду тут айраг пить, поехал-ка я отсюда. Монгол выскочил за мной и с готовностью встал у заднего сиденья, махая рукой вдаль. Ага, щас. Я ещё пьяных монголов без шлема да в чужой стране не возил на мотоцикле. Моего знания монгольского не хватит, чтобы объясняться с полицией. Монголы, если хотят, могут говорить скороговоркой, которую я не успеваю понимать.

– Ты чё, дцц⁸? Иди к бесу.... Шот явна.

– Э, э, – снова затянул монгол, – шара айраг, хужир...., – неожиданно он вспомнил русский и вставил абсолютную нецензурщину, которой обозначают внезапное окончание мечты.

Я включил передачу и аккуратно тронулся, стараясь не упасть на песке.

– Блин, слушаю тебя, и всё жду, когда же тебе по морде дадут, – встрял в рассказ Клаус. – А ты всё «взял да уехал». Неинтересно даже.

Ну вот и до водки добрались.... Часов в пять вечера, когда солнце уже палило неслабо, я ехал по городу, мечтая о холодном пиве. Меня догнал очередной Примус, и водитель из окошка закричал, что он тоже байкер. Я воткнул первую, и мы поехали рядом разговаривая. Поскольку так ехать было неудобно, монгол вежливо поинтересовался, не хочу ли я выпить чашечку кофе? Я согласился, хотя пиво стояло перед глазами, да и не по-байкерски это – приглашать друг друга на «чашечку кофе». В кафе к нам присоединился фашист в полной форме офицера вермахта. Я уже перестал удивляться, как и положено жителям степей. Под кофе поговорили. Тот, который байкер, учился в своё время русскому на «пять», в результате это было примерно на «три», но мой ломаный и его ломаный язык вполне себе сошли на «шесть с плюсом». Фашист учился на «четыре», в итоге это дало «два», но тоже ничего. Оказалось форму он носит для удовольствия, а так он просто представитель монгольских шовинистов, борющихся за чистоту нации.

– Китай – у! – фашист резко ударил сжатым кулаком себе в ладонь. Корэа – у! Иэгова – у! Всех бить.

Я возблагодарил всевышнего, что в Монголии не произнёс ни слова по-китайски. Выяснилось, что нелюбовь у шовинистов простирается на лиц монголоидной расы: японцев, бурят, нанайцев, индейцев и прочих с узкими глазами и плоскими лицами. Больше всего не любят китайцев, остальные типа ничего, только пониже рангом, чем монголы. С теми, кто пониже не стоит заключать браки, чтобы не портить кровь великой нации Чингиза. Русские в когорту отрицательных героев не попадают по причине иной формы лица, а вовсе не от того, что Советский Союз в своё время помогал Монголии.

Время было ещё трудовое, пиво пить мы не стали, но Батор, как звали моего нового знакомого, записал мой адрес и пообещал заехать позже. Через час он действительно заехал.

– Может сейчас проедем по работе, а потом приглашаю тебя на пиво. Другие байкеры подъедут, как?

– Я за. (Игра слов: би за. Означает почти то же самое). Поехали. Только давай пару пива мне возьмём. Я же не на работе. Ты машину ведёшь, я пиво пью.

К вечеру мы уже колесили по городу, заезжая на стройобъекты, наставляя рабочих, а потом Батор высадил меня у юрты, наказав подождать. Сам он поехал за мотоциклом, ведь что за встреча байкеров без мотоцикла? Едва начало темнеть, я оказался в хорошем ресторане. Как он называется? Ну тут же без вариантов – Чингиз! В баре уже сидел былой фашист, но в национальной одежде.

Под хорошую беседу выпили мы примерно по два литра «Чингиза» на одно лицо. Учитывая мой литр, который я выпил в машине, достаточно. Я стал подумывать о необходимости свалить домой, но Батор меня постоянно удерживал.

– Подожди, сейчас и другие подойдут.

⁸ корефан по монгольски

Постепенно наш стол заполнялся всё более солидными байкерами. Последний пришедший, выпив пива, заявил:

– А теперь и по водке!

На столе появилась большая бутылка «Чингиза».

– Не, я не буду! Я уже пива выпил, – я провёл рукой по горлу, на что получил очень ёмкий ответ:

– Вы же нас научили пить водку. Как говорил ваш писатель «вы в ответе за тех, кого приручили».

Аргумент железный. И писатель, к слову, не наш. От неожиданности я тормознулся, но продолжал упорствовать.

– Без закуски не буду. Водку надо закусывать.

– Сейчас всё будет, – главный подозвал молоденькую официантку. Та покивала и секунду спустя на столе появился свежий огурец в количестве одной штуки и горячие салфетки.

– Это закуска?!

– Конечно!

– А салфетки зачем?

– Лицо вытирать.

Сидели мы долго. Я незаметно выливал водку в кактус за спиной. Выпили одну бутылку, вторую, ещё пива... Молоденькую официантку усадили ко мне на колени. Монголы курили, стоя у карты походов Чингиза и расспрашивали меня о Владивостоке, качая головами и спрашивая меня – отчего Чингиз не дошёл туда. Меня же, увидевшего просторы Монголии воочию, интересовало другое: как, не имея сотового телефона, телевидения и интернета Чингиз сумел собрать армию, которая завоевала мир?! Сегодня бы он на Чингизфоруме темку разместил «идём на войну», а тогда как?! Говорили о дружбе. Забились на утренние покатушки по городу. Предлагали девочку в номер. Когда я отказался, предложили ещё раз. Отказался, меня девушка на границе ждёт. Подождёт твоя русская, отвечали мне пьяные монгольские друзья, давай монгольскую девочку тебе закажем. Дарили друг другу подарки.

Уехали из ресторана ночью. К чести моих пьяных друзей, с меня не взяли ни тугрика. Я насильно впихивал деньги монголам, но они наотрез отказывались их брать. А ведь бухнули на очень нехилую сумму, несколько тысяч тугриков (да и рублей тоже). Я думаю, около шести штук в рублях просадили, и это ведь без закуски. От ресторана мне подарили пивной набор, очевидно за то, что выпили колоссальное количество спиртного. Были ночные покатушки по городу. Я сидел вторым номером, пил пиво, в другой руке сжимая пакет с подарками.

Добравшись в гостиницу, был удивлён присутствием там ещё одного монгольского друга – байкера. Каждый монгольский байкер теперь знает, где я живу? Тот просидел у меня ещё с час, заказав на ресепшене за мой счёт два пива. Опять говорили о разном, но еле-еле.

– Может всё-таки девочку?

– Нет, спасибо. Давай иди спать, Амра. Ты сегодня много выпил. Транслейтер уже не помогает.

Мой мозг действительно устал напрягаться и выискивать чужие слова. Я уже почти не понимал монгола. Хотелось русской речи и женского плеча. Но на плече у меня плакал монгол. Да что ж это такое?

– Тогда я поехал домой. Слушай, у тебя не будет мне на такси?

– Бери, сколько надо.

Мой друг выгреб у меня штуку тугриков и отбыл, ещё раз напомнив про утренние покатушки.

Ага, вы проснитесь вначале. Я-то, перед тем как на пьянку идти мяса нажрался столько, что рукой утрамбовывал. А вы все после работы под один огурчик на семерых полресторана

выпили. Закуска – всему голова. Водка вторична. Ну и выливать её тоже уметь надо мимо плеча.

...На перевале я съехал с дороги в лесостепь и посреди сосен остановил мотоцикл. Времени до вечера ещё много, буду спать. Надо приехать под конец её смены. Под соснами шумит ветер, прохладно. Здесь, под тенью сосен растёт шиповник, мышинный горошек и дикий лук. Качаются ветки, вместе с ними качается солнце. Комаров нет, мешают только мелкие мухи. Оказалось, что мухи немного кусаются, пришлось накрыться курткой.

Время ехать. Перед Алтанбулаком, не доезжая 69 км есть прекрасная речка Ере-Гол. Её упоминают все интернетчики. Вода здесь чистая и красивый песок. Съезжать к ней лучше со стороны Дархана, направо. Единственный минус – нет тени. Там где тень есть, съезд затруднителен, а баз тени что за отдых? Подумав, купаться расхотелось.

Монгольский погранпереход был закрыт, в очереди томились десятка полтора автомобилей. Я встал в очередь. Шедший по улице бомжеватого вида монгол, увидев меня замахал руками в сторону границы:

– Эй, орос! Ехай! Нээлтэй!

С чего он решил что я орос? По Золотой звезде Героя Советского Союза и по парашюту за спиной?

Но тоже же самое мне советовал и Женя Оппозит: никого не жди, смело вали вперед.

Я проехал между машин прямо к воротам.

– Эй, сова, открывай, медведь пришёл! – позвал монгольскую таможенницу. Всё равно русский не учила. – Зурууд гарч болох уу? (разрешите пройти). Домой еду, к девушке.

Она удивлённо посмотрела на меня, позвала пограничника, и он открыл мне ворота.

На монгольской таможне в очереди к металлоискателю, который я снова обошел, увидел молодых парня и девушку с рюкзаками. Автостопщики. Прошли через Турцию до Монголии. Их лица сияли.

– Как вам Монголия?

– Прекрасно! – в один голос выпалили они.

Вот и скажи что потом. Сколько людей, столько и мнений. Про какую-то девственную природу бормочут, про свободу и воздух. С ароматами павших лошадей, ага. Но отчего-то показалось что они просто рады, наконец, вернуться на Родину.

Таможенник спросил про синюю бумажку.

– Цаас?

– Что?

– Цэнхэр цаас?

– А-а, нету! Угуй нахер⁹!

За отсутствие этой бумажки типа штраф, то ли штука рублей, то ли больше. Я отмахнулся, на Родину я еду, понятно? Меня там девушка ждёт. Сами не заполняли на въезде, хрен ли теперь спрашивать? Монгол для приличия подумал, поставил штамп, и я поехал в Россию. Тридцать метров.

Родина! Это непередаваемо. Вроде и асфальт тот же, и воздух, и деревья, но накатывает, до влаги из глаз.

На границе стояла она.

– Вы уже вернулись? И не забыли меня? – в глазах плеснулось радостное удивление.

– Я же вам обещал. Как насчёт вечера? И где здесь можно остановиться?

– Оставьте телефон, Илья Вячеславович, я позвоню после смены.

Она быстро записала мой телефон на бланке. – А остановитесь..., – подумав, она назвала адрес.

⁹ монгольское окончательное утверждение

– Сух-Баатар, сайхан, баярлалаа.

Она рассмеялась серебристыми колокольчиками.

– Хватит, ты уже в России! Я заеду за тобой!

Едва я добрался до зоны таможенного досмотра, как холодный пот потёк по спине. А вдруг я не тот телефон дал? А вдруг она не так записала? А вдруг она его потеряет?

Тут же запищал телефон. СМС от неё!

Так мы и провёли время, пока не подошла моя очередь на досмотр, около часа перекидываясь СМСками.

– Вы говорите по-русски? – не очень уверенно спросила меня ещё одна красивая таможенница.

– За, би орос. То есть да, я же русский, конечно говорю.

– А я подумала, вы иностранец. Простите. Давайте талон, проезжайте.

– И всё? – удивился я.

– Ну вы же ничего такого не везёте?

– Нет, конечно. Давайте хоть открою кофры.

Вот и всё прохождение таможи.

Приняв душ, переодевшись в свежую джерси и отведав добрую порцию харш-уула, жить стало совсем хорошо, а сердце забилося, как в повороте на 160км/ч. Наступал вечер, который быстро перешёл в ночь.

Город Кяхта, по-монгольски Хиагт, раньше назывался Троицкосавск, основан очень давно, вроде как в 1727 году, гораздо старше Хабаровска. На гербе Троицкосавска должен был быть изображён тигр с соболем во рту. Но при описании вкралась ошибка, в 1800-х годах в Санкт-Петербурге плохо представляли слово «тигр», и было написано «бобр», его и нарисовали. Комично получилось. Зверь в лапах держит во рту соболя.

Напомню эпизод из «Солдата Чонкина» Войновича, только своими словами, книги под рукой нет. Типа «в графе национальность Моисею Соломоновичу вместо «иудей» написали «индей», решив, что такой нации, как иудей не существует. Начальник паспортного стола поморщился, типа что за слово «индей», и исправил на «индеец».

Сейчас тут около 20 тысяч жителей, правда половина военнослужащие. Но численность населения стабильна вот уже почти пятьдесят лет. До революции проживало 10 тысяч, что по меркам Дальнего Востока и начала прошлого века прилично.

А раньше это был крупнейший торговый узел, была своя ткацкая фабрика. Как писал немецкий востоковед Генрих-Юлий Клапрот: «Построением Кяхты совершенно достигли предположенной цели, но при Цурухайту на реке Аргуни, напротив того, нельзя было завести торгового места. Сие произошло не от каких-либо упущений, но положение той страны не имело удобства Кяхты, куда Русские товары привозятся водою, не доезжая только 6 верст, а именно по Селенге до деревни Усть-Кяхты, на ручье того же имени, имеющем источники свои в северной стороне Кяхтинских высот. Дорога в Цурухайту идет, напротив того, по диким горам и весьма затруднительна. По сей причине китайцы не привозили туда никогда многих товаров».

Город был очень богат, в церквях стояли хрустальные колонны. Опять же, со слов Клапрота «Императрица Екатерина, Указом от Августа 1762 года, повелела прекратить отправление всех казенных караванов в Китай, и на Кяхте предоставила всю торговлю частным людям, которая от того весьма возвысилась».

Значение Кяхтинского чайного пути упало с постройкой КВЖД, товар пошёл поездами, а торговля в Кяхте переориентировалась на Монголию.

Две старинные церкви сейчас восстановлены, одна пока закрыта. Крыша у неё крыта медными листами, архитектура поразительна. Должно быть при жизни это было величественно.

Кяхта всегда была восточными воротами России, здесь проходил «Великий чайный путь». Купцы ворочали миллионами денег. В музей попасть не удалось, он был закрыт по непонятной причине. Жаль, это один из старейших музеев в Сибири и на Дальнем Востоке, он основан в 1890 г. Зато осмотрел старинные торговые ряды, эдакий «Пассаж» с колоннами, и множество старинных домов.

Моя провожатая, как и многие жители Кяхты, хорошо знала историю родного города. Здесь всплыла даже фамилия Казагранди.

Казагранди Николай Николаевич родился в Кяхте. Полковник, как характеризовали его большевики – зверь, тоже сложил свою голову в Гражданскую, за свой мир степей. Кто определит, чей мир был лучше? Полковник видел его по-своему, и за него вёл людей на Иркутск. Иркутск он не взял, и голова слетела, срубленная шашкой барона Унгерна. По другим сведениям он просто был расстрелян прапорщиком за неисполнение приказа барона. Да и не мог он, полковник от инфантерии, взять Иркутск с 600-сабельным отрядом.

Барон тоже не смог взять Кяхту. Почему – непонятно, ведь владея высотой «1600» две трёхдюймовки раскатали бы город в блин. Может красные первые заняли высоту? Что-то я сомневаюсь, тамошний отряд не понимал в тактике. Половина, увидев Унгерна, сбегала в Верхнеудинск, остатки тоже хотели смотаться, да не успели. Барон не хотел раскатывать Кяхту, он надеялся на помощь купцов и казаков, на деньги и продовольствие. Бой шёл по долине. Но почему он, побеждавший с 800 саблями 18 тысячное войско, почему он тогда с 1600 саблями не смог осилить 650 красных и 800 неумелых монголов Сухэ-Батора? Он устал и разуверился в счастливом исходе. Монголия уже была потеряна, и Россия не приняла его.

В Гражданскую в городе сделали временную тюрьму для отступников Урала и Забайкалья. Я побывал рядом с этими зданиями красного кирпича. К 1920 году в тюрьме было произведено массовое уничтожение заключённых, которую назвали Троицкосавской трагедией. С тех пор на сопке над Кяхтой построен памятник погибшим. Современная молодёжь, склонная к упрощениям и сокращениям, теперь называет её просто, «1600», по числу убитых.

Облик старины Кяхта не потеряла, только обилие автомобилей немного портило картину. Здесь были Пржевальский, Потанин, Паллас, и куча других исследователей Центральной Азии. Сохранился и музей непонятного человека Сухэ-Батора, за ним присматривает женщина, которая живёт этажом выше в доме, где национальный герой тайно писал в Москву о помощи. Здесь в Гражданскую были убиты тысячи людей, здесь степь дрожала от топота копыт, и изпод клинков, озарённых революцией, текли реки крови, которые стекали в речку Кяхту.

...Ночь обнимала нас тёплыми крыльями. Мы стояли под чёрным небом. Ветер теребил её волосы.

– Кяхта – по-нашему – польнь. Горечь степей. Но ты те грусти.

– Дождь будет.

– Здесь никогда не бывает луж, – тихо сказала она. – Всё уходит в песок. Вода, жизнь, время...

– Да..., – я вздрогнул, вспомнив слова монгола из таверны, поднял горсть песка, и он просочился сквозь пальцы, не оставив следа. Неужели проникновение культур так велико?

– Так и ты, и я, мы простимся, и ничего не останется здесь.

– Должна остаться любовь...

– Она останется...

На щёку упали первые капли.

– Ты уезжай завтра. Уезжай, слышишь? Ты опоздал, опоздал всего немного, на пару лет, и ничего уже не сделать. Я ничего сделать не могу, я останусь тут.

– Но...

– Нет.

Утром я мрачно постоял на заправке и завёл мотор. Вперёд!

На последнем перевале я остановился. Позади была Кяхта. Смахнув слёзы, я нагнулся с седла, зачерпнув горсть песка. Он стёк с руки, как вода.

– Здесь никогда не бывает луж, – вспомнил я её слова, – всё пройдёт. Езжай с богом!

По степи гулял дождь. Что мне делать?! А что тут сделаешь, я опоздал! Куда теперь повернуть коня, вправо, влево? С кем разделить свою боль оттого, что лишь нашёл и уже потерял? Я ещё не знал, что с Запада идёт иная печаль, она уже совсем рядом, и мне снова предстоит выбирать между желанием и честью. Я стоял на развилке трёх дорог. Меня ждала Жанна.

Жанна, чужая любовь

... Жанна – это затерянный кусок равнины между Ерофеем и Амазаром, поросшие соснами сопки, небольшая речка с одноимённым названием и магистраль, разрезавшая тайгу пополам. Жанна – это тропическая жара днём и арктические морозы ночью, это земляника и брусника на склонах сопок, это пылающий на губах вечерний поцелуй, который невозможно забыть. «Жанна из тех королев, что любят роскошь и ночь»....

История Жанны началась со смерти «Скута» Барсукова. Тогда он, возвращаясь с фестиваля «На краю земли», немного не доехал до Могочи, а остановился на ночлег в знакомом придорожном кафе, в котором уже был, проезжая на восток. Его убили, как и положено в диких местах, из-за двух-трех рублей и сомнительного права обладанием мопедом. Народ пошумел немного, были организованы поиски тела. Тогда ещё на Дальнем Востоке жил Бонифаций, работавший в органах, который собственно и нашёл убийц.

Потом история стала забываться. Мало ли народа гибнет на дорогах! Никто из нас, простых мотоциклистов, не предполагал, что в Москве это дело станет резонансным, и в 2012 году мотоклуб «Vulcans МСС» под непосредственным руководством Сан Саныча, бывшего военного, проведет первый мотопробег-эстафету под названием «Волна Памяти». Вместе с клубными, в организации приняли участие и свободные райдеры – Зотов организовал колонну московских скутеристов, Ольга Хэл, как дизайнер, помогла в разработке знака Волны, сайта, памятной атрибутики. Акция задумывалась как разовая, дел у клубов много! Первый блин не прошел комом, многие вспоминают первую Волну с теплотой.

В 2013 году за «Волну Памяти» взялись трое: Зотов, Хэл и Ювелир, провели её самостоятельно, народу, по крайней мере, на Дальнем Востоке понравилось. Стала вырисовываться идея единения мототуристов и поминания не столько Скута, сколько всех погибших на дорогах. Два потока с Востока и Запада должны были встречаться в Жанне, у памятника. Согласно программе, Волна давала возможность людям без опаски путешествовать по всей стране. В 2013 году Волна стала более организованной и массовой, хотя и не до конца продуманной, а в 2014 Олег Зотов, единственный организатор, решил не особо мудрствуя, объявить Волну пробегом одиночек со встречей на Байкале и дальнейшего движения до Жанны. Это не принесло особых плодов, поскольку дело, пущенное на самотёк, пусть и не умерло, но и не раскрылось. Не хватало руководителя и координатора проекта. Волна прошла, почти не развалившись, но как-то грустно и неорганизованно. С Запада был один человек – Волна «обмелела».

В 2015 малоизвестная на Дальнем Востоке Ольга Хэл и еще менее известный Паша Ювелир решили провести пробег своими силами, опираясь на помощь разных мотоклубов России, форум «Беспечный ездох» и фрирайдеров. И им это удалось! В Москве никто не предполагал, что найдётся человек, кого эта история зацепит ещё более, а у этого человека окажется другой человек, человек со стратегическим мышлением и абсолютно неумным стремлением совершать невыполнимое, пусть и себе в убыток, ради ближнего.

Я был на трех Волнах, и вижу, как стала выстраиваться Система. Не все это понимают и принимают, так же как и Ольгу, руководителя проекта. Мол, баба мужиков ведёт! Байкеров! Но, тем не менее, пробег состоялся. И исполнилась мечта Сани Дэвила, построить на Жанне беседку. Вот такая краткая предыстория.

А пока я остановился на развилке. Вправо – моя дорогая Могоча, прямо клуб «Оппозит», где меня ждут, влево – Утулик, фестиваль Байкальский Берег и встреча двух Волн. Куда мне? Я страстно желал попасть в Могочу, чтобы за бутылкой водки поделиться с могочинскими друзьями своей грустью от поездки по Монголии, потом поехать в Жанну, и пожить там да прихода Волны, с пользой проведя время, подготовив камни и площадку для беседки. Но?

Глаза прошлись по приборной панели и остановились на часах. Валера с колонной должны быть ещё на трассе, я вполне их догоню. А зачем? Увидеть Валеру и поплакаться в жилетку ему? Потом что? Фестиваль мне малоинтересен. Утулик тоже. Байкал? Нет.

Устав от внутреннего диалога, я прикрыл глаза. Будь, что будет.

Вероятно, в этот момент что-то сместилось в запредельном пространстве, и моя рука повернула руль влево. Выбор был сделан не мной.

*... Чёрный камень лежит, весь поросший травой,
Три пути сторожит, и один из них твой....
То ли сон, то ли бред, то ли мрак, то ли свет,
И приходится вновь дать кому-то ответ:
Чей ты друг, чей ты враг, тот что лес пересёк,
Или ты просто так, и не то и не сё,
И куда твоя стёжка направится,
Чем закончится сказка твоя?
Поцелуем ли спящей красавицы,
или пиршеством воронья?¹⁰*

Впоследствии я не раз вспоминал ту развилку. Два сантиметра вправо, и история бы получилась совсем иной. Чёрт бы побрал этот выбор вместе со спящей красавицей Хельгой в хрустальном гробу!

«Европа» рванулась вперёд. Над долиной Селенги разворачивался грозовой фронт. Молнии полосовали небо, словно говоря: – остановись! Куда ты едешь, безумец! Дул шквальный ветер, останавливая меня.

*...Но торопится конь, кровь свою горяча,
И сжимает ладонь рукоятку меча....
Лес стоит как беда, что сказать мне ему?
Я ответил бы, да кабы знать самому....*

...Триста километров дороги оказались даже хуже монгольских. Но того, кто прошёл по Монголии, не остановят русские ремонты! В одном месте, вырванная с корнем, прямо передо мной упала берёза, полностью перегородив трассу. Я проехал по макушке, поскольку съезжать на мокрую наклонную обочину было смерти подобно. А ведь знак-то был очередной! Но не в моих привычках останавливаться на полдороге. Всё равно дойду! Как говорят в Монголии: Хийвэл буу ай, айвал буу хий! Примерный эквивалент русской поговорки «Если делаешь, не бойся, если боишься, не делай».

Пролетая последний придорожный ресторанчик, за стоящими фурами краем глаза я узрел мотоцикл с флашпоком. Волна! И я развернулся. На пороге ресторанчика стоял Димка Реббе.

– Эй, Док, – закричал он в раскрытую дверь. – Смотри, кто приехал!

Из дверей показался Валера.

– А, здорово Клифф! Как, что, откуда?

– Из Монголии.

– Всё в порядке? – он посмотрел на моё убитое горем лицо.

– Почти.

Я упал на широкую грудь Валеры, прижавшись к его колючей щеке.

– Что случилось?

И я рассказал ему про Кяхту.

– Эх, Илюха. Седина в бороду, бес в ребро. Забудь. Это лишь пыль дорог. Останутся одни приятные воспоминания, а то лишь эпизод. Поехали!

¹⁰ С. Косыгин.

По приезду в Утулик у меня было одно желание – напиться. Какое впрочем, было и у всех приехавших, что мы и сделали, на коленке раздавив литровый пузырь. Я потихоньку стал осознавать реальность и воспринимать лица Восточной Волны. Помимо Дока здесь был представитель Находки Дэн, Андрей ZZR с прошлогодней Волны, Андрей из Благовещенска на Африке.

Дэн парень молодой, но очень серьёзный, во всём черном, с колючими глазами следователя. Я постоянно удивляюсь, откуда Приморье берёт таких серьёзных молодых? Мало того, где Приморье берёт таких, которые умеют так ездить?! Дэн профессионально, просто умпомрачительно нарезал при мне восьмёрки на своём тяжёлом мотоцикле. Подобное владение мотом я видел только у американских спортсменов.

Андрей из Благи, хоть и рождённый в СССР, показался мужиком с хитрецей. От Союза у него в голове остались куча знаний и умений. Был также представитель Тынды, представитель Иркутска и ещё один, то ли с Ангарска, то ли Иркутска. Один из Иркутска Игорь, на Африке, другой на СВ400, Андрей. Ольга тут поправила – Игорь из Ангарска, Андрей из Иркутска, но я же не специально указываю, откуда Андрей СВ. Как он не раз подчёркивал, он – человек мира. Андрей СВ удивил не по возрасту хозяйственным взглядом на путешествия. У него с собой было всё, даже домкрат!

С Андреем ZZR мы поздоровались особо. Мы участники прошлой Волны, мы прошли вместе многие тысячи. Первым делом я осмотрел колёса ZZR. Эх, Андрюха, снова у тебя колёса лысые! Не лопнули бы на обратной дороге!

После я немного пошархался по базе и лёг спать.

Утром, бродя по лагерю, я увидел Валеру, разговаривающего с прелестной молодой женщиной, кои иногда появляются на байкерских фестивалях. Нет, девушек на фестх достаточно, однако они большей частью либо не в меру экзальтированы, либо чересчур самостоятельны. В этой же чувствовалась какая-то иная красота, красота внутренняя и сильная, отличная от других. Что с того? Опыт всегда напоминает, что любая красивая женщина уже замужем, а если ещё нет, то она ярая феминистка.

Что поделатъ, опыт – это старость. Старость – когда ты выходишь утром из дома и видишь засыпанный белым пушистым снегом город. Восторг заполняет душу от чистоты и радости мира, в котором ты оказался. Но старость влезает в разговор, строго замечая:

– На улице +3. Под этой белой радостью вода, мокрые ноги, испорченные ботинки и возможен насморк.

Потому я не склонен бегать за каждой красивой юбкой, тем более влезать в чужие разговоры, и собирался пройти мимо, но Валера окликнул меня.

– Эй, Клифф, иди к нам! Познакомься, это Ольга.

Пришлось подойти. Ольга и Ольга, будет ещё одна из многочисленных разовых дорожно-фестивальных знакомых. Не поднимая глаз, я поздоровался.

– А, очень приятно, Илья Клифф.

– Это Ольга Хэл.

И тут я поднял глаза на уровень её глаз.

Глаза – зеркало души, это правда. Такие, как у Ольги, встречаются раз или два за нашу жизнь, и мои мысли споткнулись. Неглубокие, не такие, чтобы в них можно было утонуть, глаза Ольги были похожи на первые весенние лужицы талой воды. В них, словно в голубом тумане, бродили тени чужих облаков, и плескалось неуместное мартовское солнце. Это солнце просто выливалось потоками добра и счастья на тебя.

– Э, э, вы очень солнечный человек, – сказал я, – Не такая, как на фотографии. Я представлял Вас совсем иной.

– Спасибо, – Ольга наклонила голову, и по плечам рассыпались светлые волосы, – но разве? Я на фото такая же вроде?

– Нет. Фото не может передать ваше сияние.

Мы пошли к Байкалу. Валера снова заговорил о Волне.

Воспользовавшись паузой, я задумался над происходящим.

– Опыт, что ты скажешь?

Опыт отчего-то промолчал, ехидно поглядывая на меня из закоулков сознания.

– А Кяхту уже забыл?

– Это лишь пыль дорог, – ответил я словами Дока, за ночь переосмыслив случившееся.

– Ну и выбирайся сам, поганец. Ты же её совсем не знаешь. Кто она, с кем, чья. Ты хоть видишь, что она улыбается всем?

– «Нет, только тебе»... – вклинилась в диалог песня.

– «Но как-то не взаправду и очень издалека. Её утро – наш вечер, на метро пятак, это ей „Волна“ работа, а людям бардак»... – переиначил опыт. – Слышь, а ты не думаешь, что голубой туман скрывает в себе свет электросварки? Он ведь и сжечь может.

– У меня маска есть, – отмахнулся я от себя.

По словам Ольги, Волна с Запада пришла ночью. Причиной стала поломка Голды, точнее её генератора. Голду тащили на двух сменных аккумуляторах. Добавил, а вернее уменьшил скорость колонны и Култукский перевал, где недавно положили асфальт и отсутствовала разметка. В темноте это очень нехорошо. Поговорить с Ольгой толком не получилось, она всё время куда-то рвалась, исчезала и появлялась вновь. Я, конечно, понимаю что такое руководство, однако такое ощущение, что все хотели Ольгу видеть, загружать, но ничего делать сами не желали, и это было странно. А может люди не разделяли идей Ольги? Лучше пива попить, лучше ехать далеко, зачем загружаться некими идеями?

– Сейчас, я к Голде пойду.

Сияющий луч синих глаз в мою сторону.

– Надо электрика найти. Эта Голда, на которой я ехала.

Не вопрос, электриков здесь море, я могу найти. А разве это проблема, которую должна решать женщина?

– Найти?

– Да, да, найди пожалуйста. А то Миша нервничает.

– Миша?

– Это пилот Голды. Зовётся Папулесом. Ему 63 года, он очень опытный путешественник. Всю Европу прошёл. Здесь он впервые, ему очень тяжело.

Снова сияющий синий луч.

Пошли к «Оппозиту». Дядя Саша у них самый лучший электрик в округе, к несчастью, я его в лицо не знал, потому пришлось искать среди уже выпивших «оппозитчиков» Женю Чемпиона, чтобы он ткнул в Сашу пальцем. Долгая история. Найдя электрика Сашу, подошли к Голде. Вишнёвая 1800. Рядом мужик, хотя пожатый, но холёный.

– Ну что мне никто мотоцикл не может сделать? – восклицал он. – Что, никто генератор открутить мне не может? Ну разобрали бы и сказали, что надо. Далеко тут до сервиса «Голды»?

Я пожал плечами. Мажор какой-то. Разберите ему, скажите. А сам что? Но Ольга просительно смотрела на меня.

– Вот тебе электрик, он посмотрит. Он лучший от Улановки до Иркутска.

Дядя Саша обернулся на меня.

– Так уж и лучший. Просто мне, наверное, везёт.

Саша достал тестер и склонился над генератором. Миша, как ни в чём ни бывало, не обращая внимания на электрика, продолжил вещать на публику:

– Вот приезжаю я в Крым. Несколько тысяч за сутки прошёл. Уже темно, и у меня сил нет. Надо мотоцикл ставить....

Посмотрев Голду, Саша вынес предложение:

– Либо ко мне в Улановку на аккумуляторы тянуть, тебе днём двух хватит, либо в Иркутск в магазин. У нас запчастей совсем нет.

– А что ты мне тут разобрать не можешь? – снова занудил Миша. – Тут всего три болта. Только пластик не трогай.

Саша усмехнулся.

– Поршневую поменять через глушак? Я не гинеколог.

Миша задумался, не сумев решить простую проблему. Для примера – Андрюха СВ, будучи моложе Миши раза в три, по пути на Волну умудрился выхватить камень двумя колёсами, погнуть оба диска, но сам решил задачу, добравшись до Иркутска на спущенных колёсах, и на фестиваль прибыл улыбающимся и починенным.

Один из участников попросил майку мотопробега и значок, и Ольга ушла заниматься этим вопросом. А я пошёл рядом, не в силах уйти.

Потом мы сидели в кафе за борщом, который почему-то здесь назывался «солянкой». Солянка была хоть и вкусной, но дорогой, даже после монгольских цен. Я поставил «Sony» на зарядку, и сел рядом. Какого-то чёрта снова вмешался Валера.

– Клифф, иди к нам! Что ты там, в уголке?

– Фотоаппарат заряжаю.

– Да никто его не возьмёт, мы же рядом!

Пришлось переползать к столу, где уже сидели Ольга, Миша Папулес, Гена, и Валера.

Миша сидел и гундел:

– Я есть хочу. Ольга, купи мне еще водки!

– Миша, у меня деньги кончились. Нет с собой

– У меня на тебя всегда были в дороге

– Но я же всегда тебе возвращала...

Тут зазвонил телефон.

– Да, Паш. Сидим в столовой. Ужинаем, да.

Я с неприязнью посмотрел на Мишу. Что за человек? Для чего она с ним едет, кто он ей? Что это за мужик такой, у бабы деньги кланчить? С виду богатенький, на Голде...

Ольге звонил Ювелир из Москвы. Какая-то полупросьба – полутребование послужили спусковым крючком.

– Почему всем от меня что-то надо?

Ольга что-то вызывающе сказала в трубку и с грохотом опустила телефон на стол.

– Всё, я на берег пошла! Не ищите меня!

Она резко встала и вышла. Остальные остались сидеть, как ни в чём ни бывало. Я быстро доел свою солянку и вышел следом. На улице гремела музыка, сновали люди. Где искать Ольгу? Тут себя скорее потеряешь, чем найдёшь кого-то. Безуспешно нарезав несколько кругов по территории, пошёл спать с рвущимся сердцем.

Утром, почесывая пузо, из палатки вылез довольный Реббе.

– Эх, а я вчера срастил тут тему.... Вы ничего не слышали?

– Нет, я спал, как убитый, к тому же беруши в ушах.

– А мы тут так отожгли!

– Ну а что, нормально, Димка. Классика байкеризма. Фест, девки, дороги.

– Да-а, – мечтательно протянул Реббе, – она такая-я.... Мне на фестах нравится.

А мне нет, и подобное не по плечу, я наверное неправильный альфа-самец. Мне надо одну и надолго. Как там, у Шота Руставели: «Будем думать, как добиться нам желанного исхода. Сотня тысячи ценнее...».

Пошёл шарахаться по лагерю, в надежде найти Ольгу засветло. Вместо этого вышел на Женю Чемпиона, президента улан-удинского мотоклуба «Оппозит», который угостил меня водкой. Пока мы разговаривали с ним и крымским Лисом, появился Зевс с огромной квадрат-

ной бутылку виски. Снова не обошлось без возлияния, после чего пришлось ретироваться. Дальше пошла обычная фестивальная жизнь – уклоняться от спиртоносов, чтобы сохранить трезвость ума. Заодно подогнали «Мерс» к сцене и установили стенд Волны Памяти. Потом нас, всех участников мотопробега, вызвали на сцену. Я бы лучше пофотографировал, но стоять рядом с Ольгой было большим желанием. Позади меня оказался Чемпион, он немного протрезвел, но ещё был в кондиции.

– Ты чего весь такой в значках, а нашивки сзади нет? Ты ведь достойный человек. Только трезвый неприлично. Нашивку надо. А приходи к нам, и мы с тобой выпьем? Или споём, тут вроде петь собрались?

Я обнял Чемпиона, и мы, всей толпой, всем коллективом пели со сцены «беспечного ангела». К слову говоря, песня была экспромтом от ведущего программы, и она прошла на «ура».

Бродя по кострам и палаткам, вспомнил вопрос своего хабаровского друга: кто вы такие, байкеры, мотоциклисты? В смысле кто по жизни, где работаете, чем занимаетесь, на какие деньги путешествуете. Картину я бы нарисовал такую: основной состав мотодвижения – это люди с высшим образованием. Нередки два-три высших. Это самодостаточные, зрелые, самостоятельные люди, которые многого достигли в жизни, вырастили детей, построили дома и живут стабильной жизнью. Им мотоцикл добавляет остроты ощущений и смысла существования. Небольшой процент составляет молодёжь, которой важна внешняя красота движения: фестивали, пиво, девки, жилетки, и люди взрослые, обычно со средним образованием, но несчастные. У них не сложилась личная жизнь, проходят годы, а хочется ещё немного побыть на плаву. А мотопутешественники – вообще отдельная тема. Кто они, эти покорители пространств?

Про того же Бородада на трассе уже ходят легенды, что он владелец парка сельхозтехники, сдаёт в лизинг и аренду комбайны и трактора, а на прибыль путешествует по миру. Интересный вариант. Тётя Ася постоянно трясёт мужа, так же как и Саша Винроад, Миша Тихой ловко работает со спонсорами, и они не могут отказать его стальной челюсти и силе воли, Винт поёт под гитару на переходах, поёт так, что хватает махнуть по Европам раз в два года. На самом деле каждый решает проблему путешествий по-разному. Кто собирает весь год и ему даже не хватает на запасные колодки, кто просто берёт со стола сантиметров пять денег, и едет. Ещё и внутреннее состояние человека важно. В ком цыганская зараза дороги существует, тот и на резину стершуюся не посмотрит и на колодки запасные. Сел – и поехал!

Из Западной Волны я познакомился с Геной, водителем «технички», Ладой «женой байкера», Лёшей, молодым и на первый взгляд открытым пареньком, ну а Мишу Rapulesa я знал уже как цельный день. После скорости в 200, жить и реагировать начинаешь на порядок резче, как чайка или окунь-терпуг, волна ведь не ждёт. День знакомства сходит за год. Гена – самарский авторитет, низенький коренастый мужик «за полтинник», очень спокойный, полный житейской мудрости, любитель чифира и сигарет «Максим». Лада? А тут что сказать даже не знаю. Пампушка-хохотушка. Но это раскрылось лишь ближе к Находке, когда она приняла условия жизни Дальнего Востока. Лёша остался непонятным, да и я не спешил его понимать, видя только изредка, в крупных конечных точках.

Придумывая себе ники, мы преследуем двоякие цели. С одной стороны выделиться из толпы, а с другой – тоже выделиться, как ни крути. Ведь Саш или Дим много, а Трэш или Техас один. Гриндер носит имя Z20, по имени своей машины, Фаэтон – история юности, Жаргал – счастье, «Василич 27gus с уважением к вам» потому, что он хоть злой, но очень-очень душевный и весёлый, Клаус потому что он, как дед Мороз всё может. И потом мы пристаём друг к другу с вопросами: почему у тебя ник такой? Я не был исключением, допытываясь – почему Rapules? Паша впоследствии хмыкнул.

– Ты в Интернете забей, увидишь.

На Голде у Миши стразиками было выложено это слово, а Интернета у меня отродясь не бывало, чёрт с ним, пусть будет Papulesom, хотя не звучит.

У Лады же на жилетке было написано «Жена байкера», но я долго называл её Владой, поскольку едет во Владивосток, на что она постоянно обижалась.

Увидел воочию и тётю Асю. Знакомится со мной она не стала, а я и не стремился, понимая, как ей очевидно надоели все эти придурки на мотоциклах, стремящиеся поговорить с прекрасной белокурой незнакомкой в шлеме. Мне было просто интересно посмотреть на блондинистую легенду дальневосточных дорог.

Посмотрел. Хоспидя! И как же это неземное и волшебное воздушное создание управляется с тяжёлым мотоциклом! В одиночку путешествует там, где brutальные кожаные дядьки боятся ехать. «Осторожно, ну я же соскальзываю», хлоп-хлоп ресницами – мультик помните? Ладно Гуля, крепкая, сбита, сильная. Глядя на Гулю, отчего-то закрадывается мысль, что она и пресловутый «маваши-гири» проведёт, свернув тебе челюсть, и бутылку водки не морщась выпьет из горлышка, а потом ласково потреплет тебя по щеке, разбив бутылку о твою же голову. Но Ася, откуда у неё столько уверенности в своих силах, в мир, в людей?

Другим утром Валера, в коем вероятно всегда жил дух великого авантюриста, который постоянно брал верх над разумом, внёс предложение Восточной Волне.

– А давайте сгоняем на Аршан? Тут 150, вполне успеем. Быть рядом и не заехать?

Народ согласился. Я, разумеется, отказался. Я трезвый авантюрист, и 150 плюс час ползать по курорту, плюс 150+300 по дерьмовой дороге с ремонтами явно превышают дневной лимит, а ночью я ездить не любитель.

Ещё появилась глупая мысль вырвать Ольгу из похотливых лап Миши Папулеса, того, который вёз её от Москвы сюда на Голде. Он мне не понравился, но, не зная иерархии Западной Волны, и, не сумев поговорить с Ольгой, решил просто подъехать к «Мерседесу» и там предложить ей «Европу». Ольга назначила старт в час дня.

Валера и компания же неспешно собирались в неблизкий путь. Это меня немного настораживало. Успеют ли за день обернуться? Уже шёл второй час пополудни.

Устав ждать отъезда Валеры, выехал к воротам базы сам. На месте стоянки «Мерседеса» никого. Это повергло меня в шок. Уехали! Без меня! Ладно, до первого участка ремонта полтинник, догону. Скорость двести можно набрать?

Увы, на ремонтируемом куске никого я не встретил. Ещё пришлось переждать, пока пройдёт встречный транспорт.

– Слышь, а колонна мотоциклов не проходила? – обратился я к дорожнику с рацией, который командовал пунктом пропуска.

– Проходила.

– Давно?

– Минут пятнадцать.

– А грузовик, длинномер был, весь такой раскрашенный?

– Не, не было.

Спустя пять минут он сказал:

– Три мотоцикла колонна была.

Хрен тормознутый. Колонна в три мотоцикла, ага. И я вновь полетел вперёд, невзирая на ремонтируемые куски дороги.

Байкальская синклинали, что тянется от Утулика до Бабушкина, не порадовала меня своим ледяным холодом. Я реально мёрз, но не останавливался. И как они здесь ещё клубнику выращивать умудряются? Клубника реально вкусная и ароматная. За ней даже из Читы едут.

Зато потом холод словно выключили. Я влетел в пекло горячего степного воздуха Монголии. Как раз в этом месте кончается Хамар-Дабан, и монгольские ветры превращают тайгу в степь. На горизонте показалась Улановка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.